

АНАЛИЗЫ
ПИСЬМЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
ДУШЕВНО - БОЛЬНЫХЪ.

Письмо при меланхолическомъ состояніи.

Обращаясь къ анализу письма при явленіяхъ меланхоліи, мы находимъ въ немъ особенности, въ той или иной мѣрѣ характерныя для этого рода состоянія.

Въ настоящее время фактомъ, не подлежащимъ въ психіатріи сомнѣнію, является увеличивающаяся годъ отъ году рѣдкость меланхоліи, какъ психо-невроза въ томъ видѣ, какъ она описывалась ранѣе—въ формѣ отдѣльной строго обособленной нозологической единицы.

Мы теперь чаще и чаще встрѣчаемъ меланхолію, какъ стадій періодическаго или циркулярнаго психоза, или въ формѣ, значительно измѣненной вліяніемъ вырожденія и пр. Случаи современной меланхоліи являются, какъ говорятъ, не типичными и, при клиническомъ преподаваніи, нашимъ учителямъ чаще приходится демонстрировать меланхолію не какъ таковую, а какъ извѣстное психопатическое состояніе того или иного психоза.

Мы не будемъ входить въ выясненіе причинъ этого явленія, но остановимся на анализѣ письма меланхоликовъ, считая долгомъ замѣтить, однако, что нами имѣется въ виду лишь меланхолическое состояніе, но не меланхолія, какъ нозологическая единица.

Основные симптомы меланхолическаго состоянія, проявляющіеся въ болѣзненномъ душевномъ нерасположеніи, мрачномъ настроеніи духа, внѣшними поводами вовсе необъяснимаго или объяснимаго недостаточно, и въ замедленіи психическихъ процессовъ, доходящихъ до полной

остановки, подвержены широкимъ колебаніямъ въ своей интензивности.

Степень выраженности этихъ явленій, а также другія особенности состоянія меланхоликовъ, послужили поводомъ къ раздѣленію меланхоліи на формы, по своимъ клиническимъ проявленіямъ не въ одинаковой мѣрѣ являющіяся удобными для цѣлей изслѣдованія больныхъ на способность письменной рѣчи.

Мы, какъ извѣстно, различаемъ простую меланхолію (*melancholia simplex*) и меланхолію съ оцѣпенѣlostью (*melancholia attonita*). Первая изъ нихъ можетъ проявляться въ формѣ пассивной, или вялой меланхоліи (*mel. passiva*), или переходитъ въ состояніе меланхоліи съ возбужденіемъ (*m. agitans, s. activa*); но кромѣ того, по внутреннему содержанию представленій, меланхолія можетъ быть съ явленіями бреда, являющагося послѣдовательно, напр., религіозная меланхолія или ипохондрическая, — или бредъ совершенно отсутствуетъ, куда относится меланхолія, гдѣ на первомъ планѣ могутъ выступать явленія предсердечной тоски.

Въ цѣляхъ изслѣдованія письма является важнымъ не столько характеръ меланхоліи, сколько степень выраженности болѣзненныхъ симптомовъ. То нарастаніе препятствій въ психо-моторной сферѣ, которое иногда доходитъ до степени каталепсіи, является условіемъ, при которомъ получить необходимый для нашихъ цѣлей актъ дѣлается положительно невозможнымъ. Въ виду этого, при изслѣдованіи письма меланхоликовъ, приходится имѣть дѣло съ той степенью душевнаго разстройства, когда еще имѣется возможность для больного преодолѣть это препятствіе. Благодаря этому, мы встрѣчаемся здѣсь постоянно съ пониженнымъ желаніемъ писать вплоть до полной невозможности и это обстоятельство мы склонны считать особенно характернымъ для меланхоліи. Съ другой стороны, при такъ называемой меланхоліи съ возбужденіемъ, или дѣятельной меланхоліи, мы также лишены возможности получить письмо, если эти симптомы выражаются относительно рѣзко, такъ какъ тѣ движенія, которыя производитъ больной при активной меланхоліи (вопли, ломаніе рукъ, безостановочное движеніе и пр.)

не могутъ, конечно, соответствовать характеру движеній, необходимыхъ для письма.

Все это указываетъ, что письма меланхоликовъ являются лишь относительно цѣнными и если попадаютъ въ руки врача, то служатъ доказательствомъ, что психо-моторная задержка у больного выражена относительно слабо; изъ этого же мы можемъ сдѣлать обратный выводъ, имѣющій значеніе для прогностики страданія: появившаяся охота писать у меланхолика должна считаться благопріятнымъ признакомъ. Однако, поставленное въ такомъ видѣ положеніе, мы рекомендуемъ принять лишь тогда, когда будетъ произведенъ тщательный анализъ и содержанія письма.

Письма меланхоликовъ могутъ быть подвергнуты анализу какъ по своему содержанию, такъ и со стороны внѣшности.

Что касается содержанія писемъ меланхоликовъ, то они могутъ служить точной копіей того душевнаго состоянія, въ которомъ находятся больные, и играть большое значеніе при клиническомъ изученіи формы заболѣванія.

Указанное нами пониженіе или отсутствіе желанія писать, при клиническомъ наблюденіи за подобнаго рода больными, выступаетъ довольно рѣзкимъ контрастомъ, при наличности относительно высокаго интеллекта больныхъ и сохраненнаго сознанія.

Психическая подавленность, сосредоточенность на опредѣленномъ кругѣ ощущеній непріятнаго характера, душевная боль рѣзко отражаются въ сферѣ произвольныхъ движеній больного, видъ котораго отпечатлеваетъ на себѣ всю ту массу тяжелыхъ ощущеній, которыя испытываются больнымъ. Само движеніе зачастую является для больного мучительнымъ, заставляя ихъ по цѣлымъ часамъ оставаться неподвижными и вдали отъ другихъ переживать свои муки, а потому просьба написать что-либо въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ встрѣчаетъ отказъ или исполняется весьма неохотно, при чемъ больные мотивируютъ отказъ тѣмъ, что писать „больно“, „тяжело“, или, же при существованіи бредовой идеи, „что писать не для чего, не для кого“, „все погибло“ и т. д.

На пониженную склонность къ письму меланхоликовъ указываютъ всѣ авторы, имѣвшіе дѣла съ письмомъ помѣшанныхъ (Güntz, Marcé, Tardieu, Шюле, П. И. Ковалевскій, Christoph v. Schroeder и пр.).

Güntz, напр., говоритъ по этому поводу, что изъ 100 меланхоликовъ можно считать, что 80 совершенно отказываются писать.

Дѣйствительно, изъ обширнаго больничнаго и клиническаго матеріала Казанской Окружной Лечебницы намъ удалось получить чрезвычайно мало образчиковъ письма меланхоликовъ, встрѣчая обыкновенно отказъ исполнить нашу просьбу написать что-либо.

Малая склонность къ письму, проявляемая меланхоликами съ точки зрѣнія практической представляется весьма печальнымъ явленіемъ. Хорошо извѣстно, что меланхоликъ, находящійся въ стѣнахъ лечебнаго заведенія, или наблюдаемый дома, требуетъ особенно бдительнаго наблюденія, такъ какъ онъ является не столько опаснымъ для окружающихъ, сколько для самого себя. Причина тому заключается въ склонности больныхъ къ самоубійству.

Ни одна изъ формъ меланхоліи, не можетъ быть лишена возможности къ самоубійству (Clouston), импульсъ къ которому въ иныхъ случаяхъ можетъ быть проявленъ неожиданно,—но иногда рѣшеніе лишиться себя жизни принимается хладнокровно и обдуманно. Благой совѣтъ опытныхъ психіатровъ въ дѣлѣ ухода за душевно-больными—„не довѣрять ни одному меланхолику“—имѣетъ огромное практическое значеніе, такъ какъ въ практикѣ каждаго спеціальнаго лечебнаго заведенія, внѣ сомнѣній, найдутся случаи, которые укажутъ на ту скрытность и въ то же время на огромнѣйшее упорство въ достиженіи намѣченной больнымъ цѣли, когда, при отсутствіи какихъ бы то ни было орудій, больная, напр., систематически выдергиваетъ изъ косы по волоску и тихо и незамѣтно плететъ изъ нихъ шнурокъ, чтобы на немъ удавиться.

Что попытки къ самоубійству при меланхоліи явленіе весьма частое—доказывается, на примѣрѣ, цифровыми данными

Schlager'a¹⁾, который на 1000 душевно-больныхъ разнаго рода наблюдалъ 91 случай самоубійствъ, или по крайней мѣрѣ попытокъ къ самоубійству; почти все были меланхолики.

Докторъ Clauston²⁾ изъ 729 случаевъ, которые ему пришлось наблюдать, имѣлъ фактическое покушеніе на самоубійство въ 283, т. е. 39⁰/₁₀₀; къ этому числу можно прибавить еще 301 случай, когда больные говорили о самоубійствѣ или давали понять чѣмъ-либо о своемъ желаніи покончить расчеты съ жизнью. Такимъ образомъ, изъ 729—584, или четыре пятыхъ, такъ или иначе проявляли наклонность къ самоубійству.

Въ работѣ д-ра Тереховко³⁾ въ главѣ о самоубійствахъ при душевныхъ болѣзняхъ указано, что на долю самоубійствъ при меланхолиі приходится 54⁰/₁₀₀.

Нужно также замѣтить, что одной изъ причинъ помѣщенія страдающихъ меланхолией въ больницы именно служитъ опасеніе за ихъ жизнь, въ виду недостаточности домашняго ухода, а потому понятна и та отвѣтственность, которая падаетъ на врачебный персоналъ въ дѣлѣ ухода за подобными больными.

Все это заставляетъ быть особенно бдительнымъ по отношенію къ страдающимъ меланхолией и изыскивать средства проникнуть въ замкнутую душу больного, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Christoph von Schroeder'a, „ни одна черта можетъ не выдать желанія больного“, тогда какъ въ письмѣ, хотя бы и слабо выраженный полунамекъ является уже до извѣстной степени фактическимъ доказательствомъ болѣзненной наклонности меланхолика въ этомъ отношеніи.

Одна больна пишетъ: „Если бы душа и тѣло мои могли вмѣстѣ умереть, это было бы моимъ спасеніемъ; но нѣтъ,

¹⁾ Schlager. Цит. по В. Гривингеру. Душевные болѣзни. Ст. 300.

²⁾ Clauston. Клинич. лекціи по душевн. болѣзнямъ 1885 ст. 127.

³⁾ Ф. Х. Тереховко. Къ вопросу о самоубійствѣ въ С.-Петербургѣ за 25-лѣтній періодъ. 1903 г.

это невозможно. О, Боже, какая ужасная судьба. Тоска... ужасъ, невыносимыя муки“.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что, получивъ въ руки такія данныя, на больную не будетъ обращено самое серьезное вниманіе, т. к. поручится, что она не сдѣлаетъ попытки одновременно погубить и тѣло и душу, никто не возьметъ на себя смѣлость.

Какъ образецъ письма характернаго по своему содержанию въ указанномъ нами отношеніи мы позволимъ себѣ привести. „..... Желалъ бы я, чтобы вы навѣстили меня. Я теперь совершенно не сплю. Я очень боленъ и отчаиваюсь въ спасеніи моей души. Хотѣлось бы мнѣ какъ нибудь покончить съ собою. Надѣюсь скоро увидѣть васъ. Меня сильно страшитъ адъ. Я чувствую, что мнѣ хуже, и теряю надежду поправиться. Я часто думаю о томъ, сколько денегъ я потерялъ. Боюсь, что эта потеря посылается мнѣ какъ наказаніе за мои богохульственныя рѣчи и сочиненія. Желалъ бы я умереть. Здѣшнее начальство очень внимательно ко мнѣ. Надѣюсь вскорѣ жить съ вами. Боюсь, что я умру скоропостижно. Съ вами я былъ бы счастливѣе. Пишите скорѣе. Я ужасно боюсь ада“ и т. д.¹⁾

Приведенный образчикъ является весьма демонстративнымъ по своему содержанию, въ которомъ явно преобладаетъ мрачное настроеніе духа, борьба больного и склонность къ самоубійству. Но кромѣ того въ немъ имѣется и другая особенность, свойственная меланхолии. Эта особенность сказывается въ тѣхъ короткихъ предложеніяхъ, которыми выражаетъ свои мысли больной. Но о ней мы скажемъ ниже, характеризуя стиль, которымъ обыкновенно пользуются меланхолики.

Характеристика письменныхъ произведеній меланхоликовъ, данная различными писателями, существенно не расходится.

Профессоръ Шюле²⁾ указываетъ, что меланхоликъ пишетъ мало, постоянно повторяя одни и тѣ же жалобы и упреки; почеркъ его мелкій, дрожащій, прерываемый вся-

¹⁾ Clauston. Op. cit.

²⁾ Г. Шюле. Руководство къ душевнымъ болѣзнямъ. 1880.

каго рода закорючками. Болѣе подробно характеризуютъ письмо меланхоликовъ проф. П. И. Ковалевскій¹⁾. Меланхолики, говоритъ онъ, почти всегда имѣютъ почеркъ нѣжный, мягкій, слабый, женскій, гораздо тоньше и нѣжнее, чѣмъ въ здоровомъ состояніи. Они иногда не дописываютъ слова по нерѣшимости. Періоды ихъ не велики. Письмо часто не дописано и нерѣдко окроплено слезами.

Christoph von Schroeder наблюдалъ, что больные пишутъ мало, короткими фразами, съ тяжелой конструкціей; на письмо употребляется значительное время, орфографія страдаетъ, знаки препинанія ставятся не вѣрно, въ письмѣ многое зачеркнуто, буквы мелки и написаны дрожащей рукой, письмо исполнено небрежно; подпись часто отсутствуетъ. Что же касается содержанія, то письмо является вѣрнымъ отраженіемъ ихъ души.

Что касается времени, употребляемаго на писаніе письма, то оно дѣйствительно чрезвычайно велико. Одна больная, наблюдаемая нами, послѣ долгихъ уговоровъ, написала только одно слово — „чертовка“ и употребила на это 5 минутъ. Въ этомъ словѣ она выразила бредъ своей грѣховности.

Эта общая характеристика письма меланхоликовъ, сдѣланная указанными авторами является подтвержденной до извѣстной степени и нашими наблюденіями.

Анализируя содержаніе писемъ, мы должны вполне согласиться, что письмо меланхолика, отражая его внутреннее состояніе, является прекраснымъ пособіемъ къ изученію клинической картины. Но матеріаль, которымъ пользуются меланхолики очень однообразенъ и вращается на опредѣленномъ кругѣ ощущеній и идей.

Благодаря любезности проф. П. И. Ковалевскаго, мы имѣли возможность ознакомиться съ содержаніемъ рукописи меланхолички, діагнозъ которой могъ быть поставленъ даже въ отсутствіи самой больной.

Мы позволимъ себѣ привести содержаніе ея письма.

„Я прежде, докторъ, не могла говорить откровенно о причинѣ моихъ страданій, потому что боялась отца, такъ какъ въ томъ, что я буду говорить, заключается много для него неприят-

¹⁾ Проф. П. И. Ковалевскій. Судебная психопатологія. 1900.

наго, но въ настоящее время онъ разбитъ параличемъ, находится на Сабуровой дачѣ и ничто не мѣшаетъ мнѣ высказаться. Вамъ извѣстно было, что отецъ мой частный повѣренный, приобращаетъ не малыя средства къ жизни, даетъ дѣтямъ не только гимназическое, но и университетское образованіе и вы, конечно, удивлялись, какъ въ такой интеллигентной семьѣ могъ выработаться подобный забитый подавленный человекъ, какъ я. Отецъ женился на красивой женщинѣ, но слабоумной отъ природы, у которой не было способностей ни къ какому дѣлу, кромѣ хозяйства. Отецъ въ дѣлахъ былъ настойчивъ, того же онъ требовалъ отъ дѣтей. Обладая самъ отличными способностями и видя, что четверо дѣтей такія же, какъ и онъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, что у меня нѣтъ способностей, не принимая во вниманіе, что я унаслѣдовала способности матери, и я принуждена была постоянно трудиться дни и ночи, чтобы избѣжать его преслѣдованій. Жизнь въ домѣ родителей, по окончаніи гимназіи, была для меня невыносимо тяжела. Сначала я было стала предаваться удовольствіямъ, но вскорѣ онѣ меня стали тяготить, и я, чтобы не терзаться больше пришибленнымъ видомъ матери и холоднымъ обращеніемъ отца, рѣшила поѣхать въ Петербургъ учиться, сознавая, что беру трудъ не по силамъ,—но чтобы разогнать хоть на время тоску; но тамъ среди студентокъ я чувствовала себя еще болѣе подавленной, нежели среди гимназистокъ. Въ это время я познакомилась съ однимъ фармацевтомъ, который, зная, что я окончила гимназическій курсъ, предложилъ мнѣ поступить въ Москвѣ въ учительницы и взялся хлопотать мнѣ мѣсто въ пансіонѣ. Онъ хотѣлъ на мнѣ жениться, но у него былъ порокъ сердца и мои родные отсовѣтовали мнѣ выйти за него замужъ. Отецъ вамъ передавалъ, что этотъ случай имѣетъ большое вліяніе на всю мою жизнь, а я убѣждена, что страдаю отъ того, что не могла имѣть успѣха вообще между людьми, а главное отъ ненормальныхъ отношеній между отцемъ и матерью, которыя отзывались на мнѣ такъ болѣзненно, какъ будто годъ отъ году у меня въ груди разтравлялась какая то рана, которая не давала мнѣ ни минуты покоя, постоянно все больше и больше наболѣвая. Рѣшила я поѣхать въ учительницы, но и въ сельской жизни повторилось то же самое, что и въ городской:

во время труда я забывалась, а межъ людьми я чувствовала себя какъ бы самой ничтожной изъ всѣхъ. Вернулась я въ такомъ настроеніи, что стала бояться людей и дрожать при видѣ кагогобы то ни было человѣка. Я рѣшилась поступить на мѣсто гувернантки, но чрезъ три мѣсяца я вернулась домой и лило у меня было земляничнаго цвѣта отъ вынесенныхъ огорченій. Затѣмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года братъ мой узналъ, что въ Конотопѣ ищутъ гувернантку. Онъ меня послалъ туда. Я знала, что не буду въ состояннн служить, но боялась отказаться ѣхать, чтобъ родные не выбросили меня на улицу. Однимъ словомъ, какъ только я беру на себя какія нибудь обязанности, я чувствую, какъ будто предомной открывается пропасть, которая старается меня поглотить, но мои родные ничему этому не вѣрятъ и настаиваютъ, чтобъ я опять взялась за какое нибудь дѣло. Потрудитесь, докторъ, имъ объяснить, возможно ли это, или нѣтъ. Пусть они разъ навсегда узнаютъ правду, что я живой мертвецъ, не способный къ труду. Жить мнѣ негдѣ, потому что сестры учатся, старшій братъ женится и притомъ содержать мать, да и жить съ родными я не могу, потому что я ихъ такъ же боюсь, какъ и чужихъ; слѣдовательно, если вы не сжалитесь надо мной и не помѣстите меня на Сабуровой дачѣ въ пріютѣ, то мнѣ придется умереть на улицѣ. 9-го января братъ мой женился. За два дня до свадьбы онъ ко мнѣ пришелъ и сталъ упрекать меня въ томъ, что я не зарабатываю, а за недѣлю до этого меньшей братъ передалъ мнѣ, что одна моя знакомая зоветъ меня къ себѣ на должность экономки. Я ему отвѣтила, что я никогда не занималась этимъ дѣломъ, а старшему брату я сказала, что этотъ планъ былъ бы хорошъ, еслибъ я могла выучиться хозяйничать. Онъ рѣшилъ, что поговорить съ одной знакомой помѣщицей, не согласится ли она взять меня къ себѣ на выучку. Мнѣ казалось, что это для меня возможно, но потомъ, когда онъ ушелъ, я стала обдумывать, что меня можетъ ожидать тамъ. Вспомнила я, что мать занималась хозяйствомъ съ малыхъ лѣтъ и потомъ хозяйничала въ своемъ семействѣ, а потому могла заниматься этимъ дѣломъ, мнѣ же предстоитъ учиться за ново и потомъ служить у чужихъ людей, а для этого нуженъ умъ и увѣрен-

ность въ себѣ, а не такія слабоумныя и ни къ чему не способныя головы, какъ у насъ съ матерью. Вспомнилось мнѣ, какой ничтожной я себя чувствовала, когда служила учительницей и что помогло мнѣ потрудиться въ школѣ и потомъ окончательно убило во мнѣ надежды на какія нибудь удачи въ жизни. Меня постоянно преслѣдуютъ мысли о самоубійствѣ, убійствѣ—вообще о совершеніи какого нибудь преступленія. Это началось съ пазопрошлаго лѣта. Въ то время я было рѣшила во что бы то ни стало покончить съ собою. Однажды я взяла съ собою пузырекъ съ мышьякомъ, который вы мнѣ прописали, и пошла въ купальню, думая тамъ отравиться, но у меня не хватило силы воли выпить его. Тогда я придумала сдѣлать вотъ что: выпила нѣсколько стакановъ горячаго чая и сейчасъ же скупалась въ холодной водѣ, надѣясь, что отъ этого у меня сдѣлается горячка. Оказалось, что я даже и не заболѣла послѣ этого купанья. Тогда меня оставили на время мысли о самоубійствѣ, а стали являться желанія убить отца или мать, и я ихъ въ то время страшно ненавидѣла. Эту зиму мысли о самоубійствѣ опять возобновились: меня порывало заморозить себя, или уморить голодомъ. Затѣмъ опять стали являться мысли объ убійствѣ кого бы то ни было другого, а въ это время въ сердцѣ я ощущала такую сильную боль, какъ будто оно должно было разорваться, меня тянуло бѣжать изъ квартиры и я едва могла удержаться, чтобы не податься этому влеченію. Являлись мысли о поджогѣ и вообще страшно хотѣлось разрушать, уничтожать что-нибудь и все это происходило, когда я оставалась одна, между тѣмъ, какъ при видѣ людей мнѣ становилось страшно: мнѣ казалось, что меня, какъ червяка, кто-нибудь придавитъ, или же, по меньшей мѣрѣ, каждый долженъ обижать, потому что онъ сильнѣе меня, поэтому я старалась избѣгать людей и даже съ родными не могла долго говорить, а когда они приходили, я ихъ не удерживала, а просила, напротивъ, приходите по рѣже, не объясняя причины, почему у меня такое желаніе. Впродолженіи послѣднихъ двухъ недѣль у меня все сильнѣе развивается предчувствіе, что я скоро умру. Мнѣ какъ будто смерть и страшна, межъ тѣмъ я себѣ не могу отдать отчета, отчего я не могу спать по цѣлымъ ночамъ, хотя, ложусь спать, и не думаю ни

о чемъ такомъ, чтобы могло разсѣять сонъ. Сожалѣть о томъ, что моя жизнь можетъ быть, скоро прекратится мнѣ нечего; впереди для меня не можетъ быть ничего хорошаго, воспоминанія о прошломъ слишкомъ мучительны. Матери я не могу быть благодарна за то, что она меня приготовила къ жизни; напоминаніе о братьяхъ и сестрахъ можетъ только вызывать во мнѣ сильное озлобленіе на свою душу за то, что ихъ природа одарила способностями, а меня нѣтъ. Зачѣмъ же мнѣ жить? чѣмъ смерть придетъ скорѣй, тѣмъ лучше. Если вы, докторъ, позволите мнѣ выразить свое желаніе, то я попрошу васъ помѣстить меня въ пріютѣ, а не въ 1-мъ психическомъ отдѣленіи. Въ пріютѣ живутъ больныя, которыя не могутъ надѣяться на выздоровленіе, а хуже того состоянія, въ которомъ я нахожусь, представить себѣ никто не можетъ, слѣдовательно, между ними мнѣ не будетъ такъ страшно, какъ между выздоравливающими. Что для меня нѣтъ другого исхода кромѣ смерти, и говорить ничего, но мнѣ не страшно умереть и горько думать о томъ, что мой трупъ будутъ анатомировать. Мнѣ анатомированіе представляется какъ бы поруганіемъ надъ мертвымъ тѣломъ. При жизни мнѣ пришлось узнать слишкомъ много страданій, позвольте надѣяться, что послѣ смерти мой трупъ оставятъ въ покоѣ. Можетъ быть то, о чемъ я прошу, и смѣшно, но я сама пробовала анатомировать и когда мнѣ приходитъ въ голову мысль о томъ, что мое тѣло будутъ рѣзать, мнѣ дѣлается невыносимо тяжело отъ сознанія, что даже хоронить меня будутъ не такъ, какъ всѣхъ людей.

Болѣзненное самочувствіе достаточно отражается въ письмѣ. Замѣтимъ, что напечатанное курсивомъ оказалось въ рукописи подчеркнутымъ карандашомъ.

Что касается внѣшняго вида письма меланхоликовъ, то опираться на него, какъ на діагностическій признакъ возможно, по нашему мнѣнію, лишь при наличности большаго матеріала.

Собранный нами матеріалъ не позволяетъ отрицать всего высказаннаго предыдущими изслѣдователями, хотя и не даетъ полнаго права утверждать, что внѣшность письма можетъ играть большую роль въ діагностикѣ и быть убѣдительною для неспециалистовъ-врачей или юристовъ. Въ этомъ

отношеніи мы можетъ быть столкнулись съ тѣмъ условіемъ, на которое указалъ Christoph von Schroeder, а именно, что отмѣченныя характерныя черты письма меланхоликовъ могутъ не являться вмѣстѣ, а встрѣчаться въ отдѣльности.

Всегда и
преступникомъ
въ мирѣ
добрая расчуженъ
друзьямъ

Приведенный образчикъ принадлежитъ больному, наблюдаемому нами въ меланхолическомъ состояніи. Какъ особенность его состоянія можно отмѣтить то, что случай этотъ относится къ меланхолической формѣ паранойи, но носить на себѣ черты, отмѣчаемыя авторами при меланхолии. Онъ можетъ служить образчикомъ легкаго, слабого, женственнаго письма, но въ то же время рѣзкое утонченіе къ концу каждой строки говоритъ за быстроту написаннаго. Это не стоитъ въ противорѣчій съ клиническими явленіями, такъ какъ меланхолія больного по своему виду должна быть отнесена къ *mel. agitata* въ средней степени, что видно изъ исторіи болѣзни.

Больной Г. 33 лѣтъ интеллигентный человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. До поступленія въ Каз. Окр. Лечеб. началъ проявлять ненормальность за 11 мѣсяцевъ, что сказалось въ мрачномъ настроеніи духа, попыткѣ отравиться, отрицательномъ отношеніи къ самому себѣ,—онъ называлъ себя преступникомъ,—онъ всѣхъ убилъ, онъ отказывается отъ пищи, считая себя недостойнымъ.

Поступилъ въ Казан. Лечеб. въ мартѣ 1903 года въ взволнованномъ состояніи. На приѣмѣ плакалъ, просилъ помѣстить его въ тюрьму, высказывалъ бредъ своей грѣховности.

За время наблюденія въ больницѣ психическое состояніе было довольно однообразно. Въ немъ рельефно выступали два симптома: тоскливое настроеніе съ явными проявленіями отчаянія и бредъ своей негодности, бредъ обвиненія себя въ преступленіи. Доказательствомъ послѣдняго онъ считалъ всю свою жизнь и изъ нея черпалъ матеріалъ для бредовыхъ идей съ характеромъ систематизированнаго бреда параноика, но параноическаго отношенія къ окружающему въ настоящее время не проявлялъ и вся его система, какъ бы основывалась на прошломъ. Соотношеніе бредовыхъ идей съ явленіями рѣзко тоскливаго настроенія придаютъ своеобразную картину страданію, позволяя данный случай скорѣе относить къ бредовому помѣшательству съ рѣзкимъ преобладаніемъ меланхолическаго настроенія, чѣмъ къ меланхолии съ идеями бреда.

Другой образчикъ, принадлежащій меланхоличкѣ, характерный и по своему содержанію носить въ себѣ внѣшнія особенности, отмѣчаемая при меланхолии.

Дорогой Александръ Васильевичъ! Узнайте
то съ тобою, что съ Яковлева
Всемъ намъ нужно изсѣчь, изсѣчь
мнѣ. Утромъ у бога прощайте
мнѣ недоимки и убогъ,
мнѣ, ~~мнѣ~~ поспѣевъ оумъ мнѣ.
Я не слышу изреченій мнѣ и
Яковъ, Я недоимки.

Небрежность, помарки и довольно легкій почеркъ можно, судя по этому образчику, отнести на счетъ болѣзненнаго состоянія. Здѣсь также выступаетъ короткая конструкція фразъ, какъ и въ письмѣ, приведенномъ нами выше.

Благодаря любезности д-ра И. Я. Платонова, мы обладаемъ оригинальнымъ письмомъ меланхолички, содержаніе котораго можетъ подтвердить поставленный діагнозъ.

даютъ намъ результаты физическаго изслѣдованія страдающихъ меланхоліей, то мы, несомнѣнно, можемъ найти въ нихъ извѣстное соотношеніе.

Измѣненія, присущія меланхоліи въ чувствительной и мыслительной сферахъ, рѣзко отражаются и на психо-моторной области и вообще въ сферахъ растительной жизни. Меланхоликъ—вообще физически недомогающій человѣкъ: общая разбитость, усталость, неохота къ движеніямъ—удѣлъ пассивнаго меланхолика; онъ можетъ сидѣть по цѣлымъ днямъ, не двигаясь съ мѣста, забывая даже свои естественныя отправленія. Пониженіе моторной дѣятельности колеблется въ широкихъ предѣлахъ отъ вялости въ движеніяхъ до состоянія ступора. Выраженіе лица меланхолика указываетъ на расслабленіе мимической мускулатуры: мышцы какъ бы парезованы, взглядъ вялый, движенія глазъ медленныя; рѣчь медленная, тихая, едва слышная, отвѣты коротки, неувѣренны, односложны, со скрадываніемъ послѣднихъ слоговъ. Дыханіе замедленно (Mussò), удары сердца чаще обыкновеннаго, но слабы (Wolf, Coignet, Lombroso, А. Рагозинъ), температура понижена (В. М. Бехтеревъ, Tambonі и др.).

Спеціальное изслѣдованіе мускульной силы указало (Lombroso, П. И. Ковалевскій, Tiggès), что меланхолики обнаруживаютъ значительно меньшую мускульную силу противъ того, какую они обнаруживали въ здоровомъ состояніи. Рефлекторная возбудимость, по изслѣдованіямъ доктора С. Н. Совѣтова, дѣлится почти поровну между нормой и пониженіемъ и въ очень ограниченномъ числѣ даетъ повышеніе; осязательные рефлексы понижены, болевые даютъ малую цифру средней напряженности и значительную—повышеній и пониженій.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что письмо, какъ одинъ изъ видовъ психо-моторнаго движенія отражаетъ въ себѣ общій характеръ адинами, наблюдаемый при меланхоліи, гдѣ психо-физическое заторможеніе измѣнить и проэктію сознанія больного во внѣшнюю жизнь, по особенностямъ которой мы и заключаемъ о болѣзненномъ состояніи паціента.

Письмо при маниакальномъ состояніи.

При анализѣ письма лицъ, проявляющихъ маниакальное состояніе, мы придерживались точно такого же плана, какъ и при анализѣ писемъ при меланхолии, имѣя въ виду проявленіе лишь только маниакальнаго состоянія, но не болѣзненную форму.

Письма маниаковъ также должны подлежать оцѣнкѣ съ клинической точки зрѣнія, какъ объективный признакъ душевнаго страданія въ симптоматическомъ отношеніи, принимая во вниманіе и содержаніе и внѣшность написаннаго.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, при сопоставленіи съ письмами меланхоликовъ, мы встрѣчаемъ значительную разницу, съ тою особенностью, что если, говоря о письмахъ меланхоликовъ, мы не имѣли возможности настаивать на ихъ высокомъ симптоматическомъ значеніи, вполне очевидномъ и для лицъ не опытныхъ въ анализѣ письма, то письма маниаковъ заставляютъ насъ утверждать противное, такъ какъ носятъ въ себѣ черты вполне очевидныя.

Діаметрально противоположная разница двухъ разбираемыхъ нами состояній, меланхолическаго и маниакальнаго, сказывающаяся во всей клинической фізіономіи болѣзни, не менѣе рѣзко проявляется и въ той формѣ проэкции душевной дѣятельности, которая выражается письмомъ.

Замѣтимъ также, что сопоставленіе письма маниака съ письмомъ меланхолика, поднимаетъ даже діагностическую важность этаго послѣдняго. Для насъ дѣлается очевиднымъ, что характеръ болѣзненнаго состоянія, такъ де-

монстративно выступающій въ письмѣ маниака, долженъ-бы выступать и въ письмѣ меланхолика, но, такъ сказать, въ противоположномъ направленіи, въ сторону убыли того, что является гипертрофированнымъ въ письмѣ маниака. Указанная особенность письма меланхолика, естественно, не даетъ тѣхъ впечатлѣній, какъ противоположное явленіе при маніи, отчего письмо меланхолика теряетъ свою діагностическую важность, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

Письмо здѣсь, какъ и при меланхоліи, является реагентомъ какъ на форму страданія, такъ и на степень выраженности болѣзненныхъ явленій.

Изъ двухъ основныхъ формъ маниакальнаго возбужденія—маниакальной экзальтаци (*exaltatio maniacae*) и неистовства (*mania propra sic dicta, s. mania furibunda*), разсматриваемыхъ какъ степени одного и того же состоянія, наиболѣе удобными, въ смыслѣ изученія письма, являются различные степени *exaltatio maniacalis*. Тамъ же, гдѣ болѣзненный процессъ дошелъ до степени полной необузданности, гдѣ „я“ больного „теряетъ всѣ директивы“ (*Krafft-Ebing*) и не въ состояніи болѣе вмѣшиваться въ теченіе психическихъ актовъ,—тамъ о письмѣ въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи, ибо оно, какъ рядъ послѣдовательныхъ во времени движеній, не можетъ быть выполнено.

Исходя изъ этого положенія, при маніи мы можемъ имѣть рядъ образчиковъ письма отъ повышеннаго самочувствія до того состоянія, когда письмо является, какъ рядъ линій ничего собою не выражающихъ, и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Но отсутствіе возможности письма въ данномъ случаѣ будетъ происходить по причинамъ противоположнаго свойства, чѣмъ при меланхоліи. Тамъ мы имѣли все уменьшающуюся силу психо-моторнаго импульса до полного заторможенія, здѣсь встрѣчаемъ усиленіе и такую быстроту импульса, когда мысль не успѣваетъ воплощаться въ движенія необходимыя для письма.

Маниакъ пишетъ много и охотно, точно такъ же, какъ и много говоритъ, много движется и т. д., а потому уменьшеніе желанія писать служитъ признакомъ, указывающимъ

на успокоеніе больного, тогда какъ при меланхоліи мы имѣемъ противоположное значеніе этаго симптома.

Противоположной при маніи является и практическая важность изслѣдованія писемъ, съ цѣлью обезопасить положеніе больного, такъ какъ при маниакальномъ состояніи уже психологически недопустимо желаніе покончить расчеты съ жизнью, но письма могутъ открывать другія намѣренія больного, хотя и они, благодаря подвижности представлений, не могутъ быть стойкими. Встрѣчающіяся несчастья въ маниакальномъ состояніи не носятъ умышленнаго характера, а чаще бываютъ слѣдствіемъ случайности, неосмотрительности или неосторожности больного по отношенію къ себѣ и окружающихъ. Судебно-медицинская казуистика указываетъ намъ на относительную рѣдкость вообще преступленій въ состояніи маніи (Н. А. Донсковъ¹⁾). Такимъ образомъ мы можемъ сказать, — насколько анализъ содержанія письма въ практическомъ отношеніи является важнымъ при меланхоліи, настолько онъ теряетъ свое значеніе въ письмахъ маниакальнаго состоянія.

По своему содержанію письма страдающихъ маніей являются отражающими настроеніе больного, идеи величія разнаго характера, — и, могутъ при сопоставленіи, служить фактическимъ доказательствомъ нестойкости представлений, быстрой ихъ смѣны, что придаетъ своеобразный стиль письму, въ которомъ выпадаетъ послѣдовательность и постепенность дѣлаемыхъ выводовъ до полной безсвязности включительно.

Является существенно важнымъ рѣшить вопросъ объ особенностяхъ этой непослѣдовательности въ изложеніи писемъ, такъ какъ непослѣдовательность и несвязность изложенія встрѣчается въ письменныхъ произведеніяхъ и при другихъ формъ душевныхъ заболѣваній, напр., при прогрессивномъ параличѣ, при вторичномъ слабоуміи. Для того, чтобы рѣшить это, нужно обращать вниманіе на то впечатлѣніе, какое производитъ на насъ письмо и содержа-

¹⁾ Н. А. Донсковъ. Русскій Медицинскій Вѣстникъ, 1903.

ніемъ и свою внѣшностью. Основная причина непослѣдовательности въ письменныхъ произведеніяхъ маниака—это быстрота теченія идей, быстрая смѣна представленій, заставляющая дѣлать пропуски, рѣзкіе переходы отъ одного къ другому, такъ что логическая связь является нарушенной. Но имѣя въ виду, что процессъ письма является состоящимъ изъ психическаго акта—мысли и акта физическаго—движенія, мы, при правильномъ письменномъ изложеніи, имѣемъ извѣстное соотношеніе между ними. Усиленіе психическихъ импульсовъ при маніи, повышеніе возбудимости въ области чисто душевной вызываетъ повышеніе и моторной энергіи, что сказывается въ особенности и силѣ тѣхъ движеній, которыми совершается письменный актъ. Непослѣдовательность въ маниакальномъ письмѣ даетъ иногда возможность заподозрѣть слабоуміе, гдѣ на первомъ планѣ будутъ стоять аномаліи логическихъ операцій, но внѣшній видъ письма слабоумнаго не будетъ говорить за усиленіе моторнаго импульса, а иногда даже за уменьшеніе; письмо же прогрессивнаго паралитика имѣетъ ему только присущія особенности и, нося слѣды слабоумія въ своемъ содержаніи, во внѣшности можетъ проявляться пропусками, повтореніями, атактическими явленіями и tremor'омъ. Благодаря этому, удастся такъ или иначе провести, на основаніи сказаннаго, дифференціальную діагностику между этими состояніями по письменному документу душевно-больнаго.

Изъ этого выходитъ, что особенности внѣшняго вида письма маниака имѣютъ существенно важное значеніе не только въ симптоматическомъ, но и діагностическомъ отношеніи.

Christoph von Schroeder, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Lambroso, Köster и др. даютъ, въ общемъ, такую характеристику маниакальнаго письма.

Письма при маніи представляютъ противоположность письмамъ меланхоликовъ. По своему содержанію они чрезвычайно разнообразны, обладаютъ въ легкихъ степеняхъ возбужденія плавнымъ стилемъ, но чѣмъ сильнѣе возбужденіе, тѣмъ рѣзче выступаетъ спутанность (Christoph von Schroeder).

Слѣдуетъ отмѣтить, что возбужденіе возрастаетъ къ концу письма; по мѣрѣ усиленія возбужденія, маніакъ не дописываетъ сначала концы, далѣе середину слова, оставляя начало, въ дальнѣйшемъ и начало слова дѣлается совершенно не яснымъ. Въ этомъ случаѣ при меланхоліи мы имѣемъ обратное явленіе. Если сопоставить начало и конецъ писемъ меланхоликовъ съ маніакальными, то начало всегда написано энергичнѣе, чѣмъ конецъ, что объясняется постепенной убылью энергіи у меланхоликовъ.

Почеркъ у маніака пріобрѣтаетъ твердость, увѣренность, по мѣрѣ усиленія возбужденія и быстроты письма строки выпячиваются въ длину, слова не подписываются. Буквы значительно больше, чѣмъ слѣдуютъ, пріобрѣтаютъ иногда колоссальную величину, безъ всякой къ тому потребности. Направленіе строкъ отсутствуетъ; потребность простора заставляетъ маніака, сдѣлавъ нѣсколько словъ на одной страницѣ, писать далѣе на другой и такимъ письмомъ наполнять цѣлые тетради и стопы бумаги.

Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько образчиковъ письма маніаковъ изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи.

Почтово-телеграфный чиновникъ, 38 лѣтъ. Психопатическая наслѣдственность. Есть предположеніе о давнемъ *lues'*ѣ. Два года тому назадъ сталъ проявлять раздражительность. Получилъ повышение по службѣ и переводъ въ другой городъ. Вслѣдствіе проводъ—нѣкоторое злоупотребленіе спиртными напитками. Заболѣваніе проявилось неожиданно. Въ обществѣ товарищей больной обнаружилъ рѣзко повышенное самочувствіе, требовалъ къ себѣ особеннаго вниманія и почтенія, называя себя начальникомъ почтово-телеграфнаго округа. Помѣщенъ подъ врачебное наблюденіе въ больницу. Значительное физическое истощеніе. Повышенное самочувствіе, временами слуховыя галлюцинаціи. Возбужденіе доходило до буйства съ разрушительными дѣйствіями.

Черезъ три мѣсяца больной оставилъ больницу вполне оправившись, какъ сообщаетъ намъ д-ръ И. Я. Платоновъ, доставившій краткія свѣдѣнія о больномъ и образчикъ его письма.

Вотъ образчикъ телеграммы, написанной больнымъ въ состояніи маниакальнаго возбужденія.

(Срочно)
На
Нахромову
Ками вострофа нуав
необходимо срочна
Срочно миссисовых порохов
Юва Диву

(Написано карандашомъ).

Незадолго до выхода изъ больницы больной написалъ своею рукою прошеніе, вполне удовлетворительное по содержанию, безъ ошибокъ.

Образчикъ этого его письма слѣдующій:

*Состоящаго, на именованнѣ въ
Коммунитаръ Богоградскаго завѣ-
дѣнія, Ксенофоника Смирной
опекаемой Станціи Коммуна-
рскаго Доктора и Кавалера Дирек-
тора Петрова Дивова.*

Если мы сопоставимъ письмо въ состояніи возбужденія и письмо по выздоровленіи, то разница является вполне очевидной. Въ усиленіи двигательнаго акта при маниакальной экзальтаціи, судя по образчику, конечно, нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что второй образчикъ исполненъ вполне корректно и не обнаруживаетъ слѣдовъ двигательнаго возбужденія.

О степени двигательнаго возбужденія, увеличивающагося къ концу письма, можетъ говорить слѣдующій образчикъ.

30го ноября.

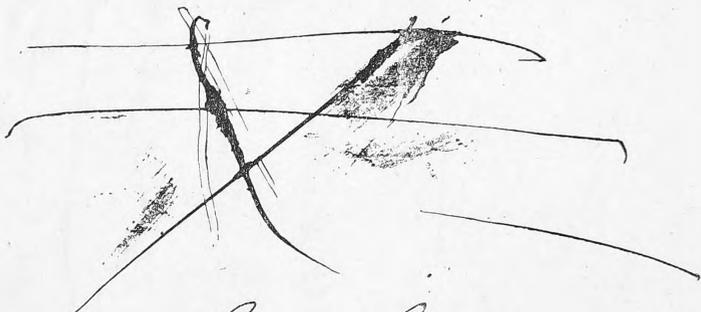
1905 г.

Милое и востансаемое!

Ольга, Дмитриевна!

Трансу отдалась мои
визы, то есть
каждый, и правый и
красивый, стою и
картину мою, в жел-
тый замочек и мою
осеннюю и зимнюю и
восточную мои визы и
и есу в рубль
и у меня замочек, но
мне стою а еще несе
Замочек ~~и~~
Белый Тюрбанчик, и
Леночка и ~~и~~ прену

прійти ко мнѣ прости
я такъ каръ я
уезжаю шъ каръ
совсемъ. А куда то,
узелъ мое стю.

Я не вѣдаю

Не менѣе характерную по почерку для маниакальнаго состоянія надпись на конвертѣ мы имѣемъ на слѣдующей страницѣ.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи имѣлась цѣлая тетрадь больной, вся ею исписанная, при чемъ на каждой страницѣ помѣщалось одно—два слова, а иногда ничего не обозначающія черты.

В. Сафонов

Пензенская ую. №5.

Авг. Дунькиль

Александровской

Страницу изъ этой тетради мы приводимъ въ точной
копи на прилагаемой таблицѣ.

u k e w

M u d G

л м х о и п

Результаты физическаго изслѣдованія маниакальнаго состоянія, произведеннаго Тамброні¹⁾, Mairet, Lombroso, С. Н. С овѣтовымъ и др. указали на явленія противоположнаго характера, чѣмъ при меланхоліи,—и если тамъ мы имѣли дѣло съ явленіями адиманіи, то въ данномъ случаѣ имѣется гипердинамія нервно-мышечнаго аппарата, результатомъ чего является та легкость и быстрота психомоторныхъ операцій, которыми отличается маниакальное состояніе. Такимъ образомъ письменный актъ въ той и другой части, т. е. какъ процессъ психическій и какъ механическое проявленіе, представляется нарушеннымъ.

Заканчивая разборъ письма при состояніяхъ меланхоліи и мании мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1. Письмо меланхоликовъ и маниаковъ должно подлежать оцѣнкѣ какъ со стороны содержанія, такъ и внѣшности.

2. Оцѣнку должно дѣлать, преслѣдуя цѣли клиническаго и практическаго характера.

3. Анализъ письма можетъ служить пособіемъ при изученіи клиническихъ формъ, указывать на высоту развитія симптомовъ и на колебаніе въ теченіи страданія.

4. Діагностическая важность писемъ маниаковъ является ощутимѣе, чѣмъ меланхоликовъ, въ основѣ чего лежитъ особенность психо-моторныхъ процессовъ.

5. Физическіе симптомы указанныхъ формъ стоятъ въ соотношеніи съ особенностями письма, уклоненія котораго должны быть относимы также къ объективнымъ признакамъ заболѣванія.

Періодическія и циркулярныя формы психозовъ.

Анализъ письменныхъ произведеній лицъ, страдающихъ періодическими и циркулярными формами психозовъ, имѣетъ большое значеніе.

Подъ именемъ періодическихъ психозовъ мы подразумѣваемъ возвраты душевнаго разстройства, отдѣленные другъ отъ друга свѣтлыми промежутками здоровья. По своимъ клиническимъ чертамъ приступы болѣзни напоминаютъ другъ друга, проявляясь въ формѣ маніи, меланхоліи, галлюцинаторнаго помѣшательства,—или изъ своеобразной комбинаціи меланхолическаго состоянія съ маниакальнымъ слагается особый типъ періодическаго душевнаго разстройства, выдѣляемый, какъ циркулярная форма.

Больничная практика намъ указываетъ, что поступленіе подъ врачебное наблюденіе страдающихъ періодическими формами душевнаго разстройства совпадаетъ обыкновенно съ тѣмъ моментомъ, когда болѣзненное состояніе въ формѣ меланхоліи или маніи и пр. проявилось опредѣленно и потребовало врачебнаго вмѣшательства. Благодаря этому, такъ сказать, продромальный періодъ ускользаетъ отъ непосредственнаго наблюденія, протекая чаще внѣ больничнаго учрежденія, дома,—и лишь относительно небольшой процентъ больныхъ обрекалъ себя на продолжительное пребываніе въ стѣнахъ лечебнаго заведенія. Повторность поступленія въ больницу съ одними тѣми же психическими симптомами заставляетъ діагностировать періодическія формы, а выписывая больного изъ лечебницы—трудно указать, когда именно опять потребуется врачебная помощь.

Изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ условій, среди которыхъ возникаютъ приступы болѣзни, а равнымъ образомъ наблюденія въ промежутки относительнаго здоровья являются чрезвычайно желательными и можетъ быть существенно важными въ цѣляхъ практическихъ, хотя бы для своевременнаго помѣщенія больного въ больницу. Но изслѣдованіе всего этого возможно лишь путемъ самаго точнаго и продолжительнаго наблюденія надъ физическимъ и психическимъ состояніемъ больного. Врядъ ли можно сомнѣваться, что по отношенію къ послѣднему, т. е. психическому состоянію, существенную роль могъ бы имѣть самоанализъ больного, самонаблюденіе за своимъ душевнымъ и физическимъ состояніемъ, а при достаточной интеллигентности пациента—письменное изложеніе результатовъ его наблюденій. Дневникъ больного далъ бы намъ возможность изучать то, что уходитъ обыкновенно изъ подъ нашего наблюденія.

Наша личная опытность въ этомъ отношеніи не велика, но уже по способности отражаться въ письмѣ маніакальнаго и меланхолическаго состоянія, нѣтъ ничего страннаго, что оно отразится и при періодическихъ формахъ. Что же касается продромальнаго періода, то мы имѣемъ указаніе Christoph von Schroeder'a ¹⁾ на случай, когда отецъ больного, страдающаго періодической маніей, по письму могъ предчувствовать приближеніе припадка.

Кромѣ того, болѣе широкое примѣненіе изслѣдованій больныхъ путемъ письма могло бы дать намъ возможность болѣе точно разбираться въ діагностикѣ нѣкоторыхъ заболѣваній.

Мы позволимъ себѣ сослаться на то ощущеніе, которое можно испытывать при наблюденіи за больными, страдающими неврастеніей на почвѣ дегерации, или истеріей. Наша чрезвычайно скромная практика наводила насъ не однажды на мысль, что подъ общимъ діагнозомъ, вполне соответствующимъ дѣйствительности, неврастеніи и истеріи, скрывается еще что-то, чего нѣтъ только фактическихъ основаній діагносцировать. Мы говоримъ о той періодичности въ наст-

¹⁾ Christoph von Schroeder. Op. Cit.

роеніи больныхъ и ихъ самочувствіи, которая напоминаетъ періодическія или циркулярныя формы психозовъ въ слабой степени; это не дѣлаетъ наше предположеніе не вѣроятнымъ, особенно, если у больныхъ имѣется къ тому же дегенеративная основа страданія.

Въ виду сказаннаго является весьма желательнымъ пользоваться письмомъ больныхъ при намекахъ на подобныя явленія, такъ какъ лица, по крайней мѣрѣ развитыя, могутъ прекрасно изложить свое состояніе, какъ это мы увидимъ изъ приводимаго ниже примѣра.

Циркулярныя формы, разработанныя главнымъ образомъ трудами французскихъ психіатровъ (Falret père, Baillarger и др.), могутъ происходить изъ различныхъ соотношеній между меланхоліей, маніей и свѣтлыхъ промежутковъ: 1. меланхолия и манія смѣняются другъ друга непосредственно безъ свѣтлыхъ промежутковъ, это будетъ *folie à formes alternes* (Jules Falret),—2. когда послѣ меланхолии и слѣдующей за ней маніи слѣдуетъ свѣтлый промежутокъ, послѣ котораго опять меланхолия, манія и т. д., циклъ въ данномъ случаѣ, состоитъ изъ трехъ звеньевъ,—это будетъ *folie à double forme* (Baillarger)—и 3. когда послѣ cadaго болѣзненнаго періода слѣдуетъ свѣтлый промежутокъ, т. е. когда свѣтлый промежутокъ является послѣ періода маніи и послѣ періода меланхолии,—слѣдовательно, циклъ состоитъ изъ четырехъ звеньевъ,—это будетъ *folie circulaire*. Только что указанную классификацію мы имѣемъ въ руководствѣ психіатріи проф. П. И. Ковалевскаго¹⁾.

Относительно того, говоритъ далѣе проф. П. И. Ковалевскій, какой изъ періодовъ въ различныхъ случаяхъ является первымъ,—клинический матеріалъ даетъ не одинаковыя данныя. Въ случаяхъ Falret, Baillarger'a и др. циркулярное сумашествіе начиналось маніей,—въ случаяхъ же Ritti, Meyer'a, Schüle, Kirn и др.²⁾—меланхоліей.

Въ одномъ рядѣ случаевъ переходъ отъ одного состоянія къ другому, мы знаемъ, бываетъ неожиданный, тогда

¹⁾ П. И. Ковалевскій. Психіатрія. Стр. 82.

²⁾ П. И. Ковалевскій. *Op cit.*

какъ въ другомъ,—дѣло идетъ постепенно и рѣзкость переходовъ значительно сглаживается.

Значеніе изученія рукописей больныхъ, въ формѣ дневниковъ, дѣлается само собой понятнымъ. Анализъ записокъ больныхъ при циркулярныхъ психозахъ въ случаяхъ съ постепенными переходами отъ одного періода болѣзни къ другому можетъ во многомъ способствовать изученію формы страданія, его теченію, указывать на длину каждаго періода и съ большей точностью знакомить насъ съ этой формой, чѣмъ только клиническое наблюденіе за больнымъ.

Такимъ образомъ, изученіе письма страдающихъ періодическими и циркулярными формами душевныхъ болѣзней, можетъ способствовать постановкѣ болѣе точнаго діагноза страданія, детально выяснять намъ картину болѣзни и его теченіе, а въ прогностическомъ отношеніи, по сравненію ряда записей, говорить о вліяніи каждаго приступа болѣзни на психическое состояніе больного.

Прекрасный образчикъ записи больной о своемъ состояніи, доставленный въ наше распоряженіе проф. П. И. Ковалевскимъ, изъ его личной практики, мы позволимъ себѣ привести здѣсь.

Сама по себѣ эта рукопись больной говоритъ за діагностику болѣзни и къ психическому, такъ сказать, самоизслѣдованію врядъ ли что требуется добавить.

Больная ведетъ за собой ежедневныя записи.

Четвергъ, 16-ое октября.

Сегодня я встала въ самомъ бодромъ расположеніи духа и мнѣ захотѣлось какъ можно больше заниматься. Утромъ я пошла въ музыкальную школу на урокъ, который прошелъ очень незамѣтно для меня; затѣмъ я пришла домой и ѣла съ аппетитомъ. Занималась теоріей 1 часъ дома и 2 часа въ школѣ, потомъ часа 2 читала. Вообще цѣлый день прошелъ въ занятіяхъ и я была очень довольна, такъ какъ дѣлала все съ большой охотой. Голова у меня была ясная и свѣжая. Я замѣчаю также, что въ нормальномъ состояніи въ моменты, когда я ничего не дѣлаю, я тоже скучаю, такъ-какъ посто-

янно думаю о чемъ нибудь. Этимъ я дорожу больше всего. Разъ я могу думать логически правильно, то я уже могу все дѣлать.

Пятница, 17-ое октября.

Ночь спала прекрасно. Состояніе души довольно хорошее, настроеніе ровное, спокойное. Утромъ встала, занималась нѣмецкимъ языкомъ, играла часа 2 на роялѣ. Гуляла очень охотно. Но, по приходѣ съ гулянья, почувствовала какое-то безпокойное состояніе; мнѣ казалось, что скоро наступитъ тяжелое состояніе, и, дѣйствительно, я не ошиблась. Вечеромъ часовъ въ 8 пришла подруга, я съ ней немного разговаривала, но потомъ стала чувствовать смертельную тоску и уже весь остальной вечеръ молчала, такъ какъ говорить и слушать совершенно не была въ состояніи.

Суббота, 18-ое октября.

Ночь спала не важно. Видѣла какіе то сны, но разобраться въ нихъ совершенно невозможно. Вставши съ постели, я принялась читать книгу и читала часа 4, думая заглушить въ себѣ безпокойство, но ничего не помогло, такъ какъ изъ книжки я ровно ничего не вынесла, передо мной мелькали слова, но ихъ смыслъ я совершенно не могла понять. Часовъ въ 5 ко мнѣ пришла подруга и я должна была ее занимать, но я своей миссіи совершенно не выполнила, предоставивъ это сдѣлать сестрѣ. Вечеромъ была въ театрѣ на оперѣ Фаустъ, но на сцену совсѣмъ не смотрѣла, такъ какъ меня нисколько не интересовало знать, что тамъ дѣлается. Мнѣ было совершенно безразлично, и опера не оставила никакого впечатлѣнія. Я теперь, кажется, вообще не способна ничего воспринимать. Я думаю, что мнѣ было-бы лучше остаться дома. Для чего я пошла сама не знаю.

Воскресенье, 19-ое октября.

Сегодня утромъ лежала въ постели до 11 часовъ. Вставать не было ни малѣйшей охоты. Къ чему? Что я буду

дѣлать весь день? Заниматься, не имѣя на то никакого желанія. Но такъ какъ встать нужно было, то все таки встала и сѣла насильно за рояль и часъ играла. Въ 12 ч. завтракала безо всякаго аппетита, совершенно машинально. Вообще, мнѣ кажется, я теперь похожу на автомата, меня другіе толкають, двигаютъ, а я сама—ни съ мѣста. Часа въ 4 я пошла гулять съ мамой. Я не хотѣла, но меня заставляютъ. Я чувствую въ себѣ полное отсутствіе жизни.

Понедѣльникъ, 20-ое октября.

Настроеніе духа самое ужасное. Съ какимъ удовольствіемъ шла я въ четвергъ на уроки музыки, съ такимъ же отвращеніемъ пошла я сегодня. Время тянулось невозможно долго, хотя я играла всего только $\frac{3}{4}$ часа. Людей я стараюсь совершенно избѣгать, такъ какъ встрѣчаться съ ними мнѣ невыносимо. Даже со своими я тоже не разговариваю и почти все время молчу. О чемъ я могу говорить, когда я чувствую въ себѣ полное отсутствіе всякихъ мыслей, чувствъ, желаній.

Вторникъ, 21-ое октября.

Душевное состояніе самое отвратительное. Встала я съ страшной ненавистью ко всѣмъ, а больше всѣхъ къ самой себѣ. Что мнѣ предстоитъ цѣлый день дѣлать? Ходить изъ угла въ уголь и не находить себѣ ни мѣста, ни покоя. Если бы ко мнѣ сейчасъ пришли и сказали, что хотятъ меня отвести въ тюрьму, я бы не стала сопротивляться, несмотря на сознаніе своей невинности. Къ чему? Развѣ мнѣ не все равно?

Среда, 22-ое октября.

Сегодня я встала и рѣшила заставить себя заниматься. Я заранѣе увѣрена въ бесполезности этого. Я играла на роялѣ часъ, потомъ занималась нѣмецкимъ языкомъ. Но что вышло изъ этого? Меня это только еще больше раздражаетъ. Я читала по нѣмецки и нечего не понимала, хотя въ нормальномъ состояніи я прекрасно пони-

маю все, что читаю. Это тяжелое состояніе тѣмъ болѣе мучительно, что тутъ являешься совершенно безсильной. Сколько ни борись, ни насилуй себя, ни чего не помогаетъ. Все равно, какъ цѣпи сковываетъ человѣка и лишаютъ его полной свободы, такъ и это сковываетъ тебя по рукамъ и ногамъ. Тутъ есть только одно средство—безконечное терпѣніе.

Четвергъ, 23-е октября.

Опять все тоже. Никакихъ перемѣнъ къ лучшему пока не замѣчается. Сегодня утромъ, когда нужно было встать, я подумала: «Ахъ какъ хорошо было бы уснуть на это время, чтобы не чувствовать всѣхъ этихъ мученій. Существовать—и не жить». Какой ужасъ охватываетъ при этихъ словахъ. Бываютъ моменты, когда хочется задупить себя. Раньше-ли, позже-ли—все равно одинъ конецъ!

Пятница, 24-ое октября.

Ночь спала плохо, видѣла разные сны, представляющіе изъ себя страшный хаосъ. Лежала въ постели довольно долго совершенно неподвижно, вперивъ взоръ въ одну точку. Вставать опять, Боже мой, какая мука. Сегодня я цѣлый день не находила себѣ мѣста, металась, какъ птица въ клеткѣ. Заниматься чѣмъ-либо я совершенно не была въ состояніи. Мнѣ захотѣлось вдругъ сыграть что-нибудь душу раздирающее, я думала, что это подѣйствуетъ на меня и хотя на время выведетъ изъ окаменѣлаго состоянія. Ничуть не бывало, хоть бы мускуль дрогнулъ и я въ безсиліи, опустивъ руки на рояль, просидѣла такъ неподвижно нѣкоторое время. Борьба не дѣйствуетъ, приходится вполне подчиняться болѣзни и отдать себя въ ея власть.

Суббота, 25-ое октября.

Какая пустота въ душѣ. Хоть-бы одна мысль, одно желаніе—ничего. Апатія страшная, лѣнь съ мѣста двинуться. Сегодня наши пошли въ театръ, я наотрѣзъ отказалась, не смотря на просьбы мамы. Мама хотѣла пожертвовать своимъ

удовольствіемъ и остаться дома ради меня, но я этого вовсе не желала и объяснила мамѣ, что для меня совершенно все равно пойдетъ-ли она, или останется со мной. Итакъ я настояла на своемъ, мама пошла въ театръ, а я совершенно одна осталась дома. Лучше всего, когда я остаюсь одна.

Воскресенье, 26-ое октября.

Сегодня я встала въ какомъ-то желчномъ, раздраженномъ состояніи. Цѣлый день я злилась ужасно. Все мнѣ не нравилось, все нехорошо. Терпѣніе мое начинаетъ истощаться. Занималась, играла на роялѣ, но удовольвенія никакого не получила. День кажется безконечнымъ, тянется, тянется и конца ему не предвидится. Вечеромъ были гости, немного сидѣла съ ними, но разговаривать не могла. Чтобы выразить самую простую мысль, я должна напрягать мозгъ до послѣдней степени; я не выдержала и убѣжала къ себѣ въ комнату. Можетъ быть это очень нетактично съ моей стороны, но я иначе не могу. Я уже давно махнула рукой и рѣшила: «Пускай обо мнѣ думаютъ, что хотятъ». Что я страдаю и мучаюсь объ этомъ никто не знаетъ, да я и сама не хочу всякому изливать свою душу.

Понедѣльникъ, 27-ое октября.

Настроение духа очень спокойное. Но такого спокойствія я бы никому не желала. Я теперь ужъ совершенно ни о чемъ не думаю. Даже мрачныя мысли меня оставили и я чувствую, что мой мозгъ совершенно застылъ. Машинально встала, пошла на урокъ музыки, пришла съ урока занималась, читала. Все это дѣлалось совершенно безсознательно. Объ охотѣ или неохотѣ и рѣчи быть не можетъ, когда мнѣ все равно. Еще день два такого состоянія и я положительно не выдержу. Хоть бы поскорѣе это кончилось. Какое адское терпѣніе нужно имѣть, чтобы все это вынести.

Вторникъ, 28-го октября.

Въ противоположность вчерашнему сегодняшнее настроеніе самое безпокойное. Все меня мучаетъ опять, все терзаетъ,

никого не могу переносить. Разспросы мамы о томъ, какъ я себя чувствую, меня окончательно раздражаютъ. Что я могу отвѣтить, когда я чувствую въ душѣ цѣлый адъ и не знаю, когда все это кончится. Жизнь для меня теперь совершенно невыносима. Послѣднія ночи я сплю очень плохо.

Среда, 29-го октября.

Сегодня мнѣ какъ будто немного лучше, но жизни я пока еще не чувствую въ себѣ. Мнѣ почему то кажется, что скоро пройдетъ тяжелое состояніе и это меня значительно ободряетъ. Я старалась цѣлый день заниматься, дѣлать что нибудь, заставляла себя говорить. Немного гуляла, вечеромъ рѣшила пойти въ театръ. На сцену смотрѣла довольно охотно. Теперь можно надѣяться на перемѣну. Посмотримъ, что будетъ завтра.

Четвергъ, 30-ое октября.

Наконецъ то я могу вздохнуть свободно. Я чувствую себя такъ же, какъ узникъ, долго томившійся въ тюрьмѣ и выпущенный наконецъ на свободу. Какъ болѣзнь ни держала меня крѣпко въ своихъ тискахъ, а все таки я вырвалась отъ нея на свободу. Зато, какъ свѣтло, какъ хорошо у меня на душѣ теперь. Я могу мыслить, чувствовать желать. Сознаніе, что я могу жить и чувствовать себя человекомъ приносить мнѣ столько радости, что я готова сбнять весь міръ. Хоть на время освобожусь отъ тѣхъ мученій, которыя я испытала за эти 2 недѣли. Даже страшно вспоминать. Но не буду думать объ этомъ. Зачѣмъ отравлять свѣтлыя минуты, которыя такъ рѣдко выпадаютъ на мою долю. Но какими мученіями я ихъ приобретаю, оттого онѣ мнѣ такъ дороги. Хотя бы взять сегодняшній день. Утромъ встала, быстро одѣлась отправилась въ школу на урокъ музыки. Урокъ былъ сегодня довольно интереснымъ. Я диспутировала съ учителемъ, смѣясь надъ его педантичностью. Несмотря на все его желаніе разубѣдить меня въ этомъ и доказать свою правоту, ему это не удалось и я

осталась при своемъ. Споръ нашъ кончился смѣхомъ и мы разошлись вполне довольные другъ другомъ: онъ мной, какъ ученицей, а я имъ, какъ учителемъ. По приходѣ изъ школы я завтракала съ аппетитомъ. Занималась, читала и дѣлала все не только съ охотой, но прямо-таки съ удовольствіемъ. Вообще сегодняшній день прошелъ у меня довольно дѣльно и такъ быстро, какъ одна минута. Какой наплывъ мыслей, одна за другой такъ и выются. Не знаю, о чемъ раньше думать. Хочется обо всемъ. Но, хорошенькаго по немножку. Эту ночь я вѣроятно буду спать очень крѣпко. У меня болитъ немного голова. Но это пустяки. Я чувствую себя прекрасно.

Пятница, 31-го октября.

Я не ошиблась, ночь спала хорошо ни разу не просыпалась до самаго утра. Какъ хорошо такъ спать. Встаешь бодрой, оживленной, дѣятельной. Съ какимъ наслажденіемъ я сегодня играла на роялѣ. Совершенно другіе звуки получаются. Вообще я музыку очень люблю и занятія музыкой никогда не считала трудомъ, физическимъ конечно, а только удовольствіемъ. Можетъ быть потому, что мнѣ легко дается, у меня вырабатывается такой взглядъ. Когда я играю мнѣ, какъ-то невольно приходится сравнивать. И какая огромная разница. Я вспоминаю слѣдующій фактъ. Въ прошломъ году мнѣ пришлось въ тяжеломъ состояніи играть учителю какую-то вещь довольно красивую. Когда я кончила, учитель обратился ко мнѣ со словами: Что съ вами, ваши пальцы какъ будто одервенѣли, въ нихъ никакой жизни нѣтъ. Я вся вздрогнула, такъ меня это поразило, потому что я сознавала, что онъ говоритъ правду. Но какъ онъ замѣтилъ? Это мнѣ показалось страннымъ. За то теперь во мнѣ жизни очень много. Жизнь очень хороша для тѣхъ, кто можетъ пользоваться ею и взять отъ нея все, что она можетъ дать.

Суббота, 1-го ноября.

Настроеніе духа превосходное. Я читала, гуляла довольно много. Я теперь хожу гулять очень охотно. Мнѣ даже не

хочется сидѣть дома и меня тянетъ на свѣжій воздухъ. Вечеромъ была въ театрѣ. Сегодняшній спектакль былъ очень интересный и доставилъ мнѣ удовольствіе. Я думаю, что посѣщеніе тетатра не можетъ вредно отозваться на моемъ здоровьѣ, такъ какъ театръ не вызываетъ во мнѣ никакого возбужденія. Я себя чувствую совершенно, какъ дома. Я всегда любила театръ и начала посѣщать его съ IV кл. гимназіи довольно часто, видѣла каждую оперу не менѣе восьми или десяти разъ, такъ-что особенно сильнаго впечатлѣнія на меня произвести не можетъ. А потому я предпочитаю ходить въ театръ, чтобы послушать музыку и пѣніе, что я очень люблю. Мнѣ пришлось подъ рядъ три раза быть въ театрѣ и папа выразилъ неудовольствіе, говоря, что я веду ненормальную жизнь. Мнѣ стало очень смѣшно. Неужели моя жизнь, которая течетъ такъ однообразно и неинтересно, можетъ назваться ненормальною, что же въ такомъ случаѣ представляетъ жизнь другихъ людей. У меня нѣтъ словъ, чтобы охарактеризовать. Жить хочется ужасно.

Воскресенье, 2-го ноября.

Сегодня я чувствую себя такъ же хорошо, какъ и вчера. Настроеніе духа самое веселое. Мнѣ хочется шутить, смѣяться, дурачиться, что я и дѣлаю. Мама съ папой упрекаютъ меня въ томъ, что я слишкомъ много смѣюсь. Меня это ужасно больно задѣваетъ. Неужели и въ этомъ я должна себя сдерживать. Въ сущности ненормальнаго тутъ ничего нѣтъ, такъ-какъ я всегда была очень веселая, но конечно, съ тѣмъ состояніемъ это представляетъ рѣзкій контрастъ. Безпричинно я никогда не стану смѣяться. Ночи сплю прекрасно. Аппетитъ хорошій.

Понедѣльникъ, 3-го ноября.

Настроеніе духа бодрое, свѣжее. Я чувствую, что жизнь бьетъ во мнѣ ключомъ. Но болѣзнь совершенно мѣшаетъ мнѣ жить. Еслибъ я могла выздороветь, я бы была на небесахъ отъ радости. Тогда я имѣла бы возможность осуще-

ствить свои мечты, свои желанія. А пока и думать нечего. Еслибъ я, положимъ, захотѣла взяться за какое-нибудь серьезное занятіе, я скорѣй должна бы его прервать. Значитъ это невозможно. А потому я должна примириться съ моимъ положеніемъ и ждать, когда все кончится. Я вспоминаю слова Чайковскаго, написанныя въ одномъ романсѣ: «Подвигъ въ борьбѣ, подвигъ въ любви, но высшій подвигъ въ терпѣніи». Особенно мнѣ нравится послѣднее. Я ихъ ставлю девизомъ моей теперешней жизни и постараюсь свершить этотъ подвигъ.

Вторникъ, 4-го ноября.

Состояніе души самое нормальное. Я чувствую себя бодрой, здоровой и не возбужденной. Если-бы всегда можно было бы себя такъ чувствовать. Это было бы слишкомъ хорошо, тому я даже не вѣрю. Да, моя болѣзнь портитъ всю мою жизнь. Вотъ ужъ третій годъ, какъ я собираюсь ѣхать въ Петербургъ учиться въ консерваторіи и все-таки не ѣду, только изъ за этаго; другихъ препятствій у меня нѣтъ. Нынче я ужъ окончательно рѣшила и совсѣмъ собралась, но почти передъ самымъ отъѣздомъ меня охватилъ приступъ тяжелаго состоянія и я была внѣ себя. Опять тоже самое. Когда же я наконецъ избавлюсь, или это вѣчно будетъ продолжаться. Въ виду моего безвыходнаго положенія, я рѣшила отправиться къ доктору посоветоваться. И докторъ меня убѣдилъ, что въ такомъ положеніи ѣхать одной въ Петербургъ невозможно. Не мало слезъ мнѣ стоило это, но пришлось остаться. Я знала, что меня ничего хорошаго не ждетъ въ Казани, но я смирилась, рѣшивъ этотъ годъ посвятить исключительно леченію. Моя жизнь напоминаетъ мнѣ челоуѣка, который жаждетъ пить. Онъ стоитъ у самаго моря, а напиться все-таки не можетъ. Тоже самое и со мной. Жизнь манитъ меня къ себѣ и все мнѣ какъ будто улыбается, а все-таки пользоваться ею я не могу. Да, не очень то весело это сознавать. Но очень отчаиваться не стоитъ. Въ Казани я все таки не останусь

и на будущій годъ, Богъ дастъ, поѣду здоровой, увѣренной въ свои силы.

Среда, 5-го ноября.

Настроение духа отличное. Чувствую себя прекрасно. Самое любимое мое удовольствіе мечтать о петербургской жизни. Еслибъ я была здорова я бы никогда не согласилась жить такъ, какъ я живу сейчасъ. Каждый день одно и тоже, никакого разнообразія, никакихъ новыхъ впечатлѣній. Но меня страшно интересуетъ вопросъ,—откуда явилась моя болѣзнь? Какая причина? Говорятъ, это наследственное. Но я это не совѣмъ ясно понимаю, причѣмъ тутъ наследственность? Собственно говоря, вѣдь я физически совершенно здорова, у меня ничего не болитъ. Мнѣ даже странно, что докторъ меня выслушиваетъ. Я это нахожу совершенно лишнимъ. Сколько я ни ломаю голову, ничего я тутъ понять не могу. Я чувствую только, что во мнѣ сидятъ два человека. Одинъ, котораго я люблю, и другой, котораго ненавижу. Они постоянно борются между собой и кто побѣждаетъ, тотъ и торжествуетъ. Откуда явился этотъ другой человекъ? Зачѣмъ онъ отравляетъ мою жизнь? Съ какимъ наслажденіемъ я бы его убила. Но онъ очень силенъ и борьба съ нимъ не такъ легка. Буду бороться до послѣдней ступени и можетъ быть мнѣ удастся его побѣдить.

Анализируя эту рукопись, мы такимъ образомъ замѣчаемъ, что 16/х было послѣднимъ днемъ хорошаго и можетъ быть даже слегка повышеннаго настроенія духа. 17/х—настроение духа лишь „довольно хорошее“, но уже съ склонностью къ переходу въ пониженное, съ симптомами неопредѣленныхъ предчувствій, съ ожиданіемъ тяжелаго настроенія. Къ вечеру, мы видимъ, это настроение ухудшается, отражается на снѣ и уже вполне опредѣленно выражается на другой день. Мрачное, тяжелое настроение духа нарастаетъ до 27—28/х и опять начинаетъ улучшаться. 29/х—значительно лучше, со 2-го начинается нѣсколько повышаться и т. д.

Больная эта, заручившись совѣтомъ проф. П. И. Ковалевскаго, покинула Казань, но прислала намъ слѣдующія свѣдѣнія о своемъ здоровьѣ, въ формѣ выдержекъ изъ ея дневника, который продолжаетъ настойчиво вести.

Больная пишетъ:

10/xI. Самочувствіе такое же хорошее, какъ и въ предыдущіе дни. Настроеніе духа самое жизнерадостное. Дома мнѣ теперь сидѣть скучно и я была рада видѣть людей. Сегодня я была въ школѣ на урокѣ музыки, видѣлась съ ученицами, болтала, смѣялась. Немного повздорила съ мамой и сестрой. Вчера я была у профессора и мы какъ-то заговорили о Петербургской жизни. Оказывается, мое представленіе о Петербургѣ ни ошибочное. Дѣйствительно, Петербургъ можетъ мнѣ дать все то, что мнѣ нужно. Я готова хоть на крыльяхъ летѣть туда. Мама и сестра смѣялись надо мной. Если бы я могла теперь жить въ Петербургѣ, я бы имъ доказала, что я права. Моя жизнь—это своего рода монастырь. Я обречена на полную скуку, тоску и одиночество. Чѣмъ я могу быть довольной? Тѣмъ, что живу въ хорошей квартирѣ съ богатой обстановкой, пользуюсь всѣми внѣшними удобствами,—но это меня ни чуть не грѣетъ. Богъ съ ней, съ татарской столицей! Пускай татары прогрессируютъ, а намъ здѣсь мало воздуха,—нечѣмъ дышать.

23/xI. Самочувствіе прескверное. Пробовала заниматься, не могу мысль совсѣмъ не работаетъ. Я испытываю такое чувство, какъ будто изъ меня вынули душу. Я не могу ни думать, ни говорить, ни чувствовать. Я лишена самого главного, что имѣетъ всякій нищій. Мнѣ кажется, если бы захотѣли какого-нибудь преступника жестоко наказать, то лучше этого наказанія придумать нельзя.

24/xI. Моя болѣзнь представляетъ полную противоположность физическимъ болѣзнямъ. Когда я весною страдала лихорадкою, 39⁰, душевное состояніе мое было прекрасное,—даже въ 40⁰ я могла думать и говорить сколько угодно. Теперь наоборотъ: физически я совершенно здорова, душевное состояніе прямо невмѣняемое.

25. Профессоръ говоритъ, что я лучше дѣлаю, что не выхожу къ гостямъ, хотя я можетъ быть развлеклась бы. Что я не развлеклась бы—въ этомъ я такъ увѣрена, какъ дважды два четыре. Если бы теперь пріѣхали знакомые пѣвцы и пѣвицы и я пошла бы ихъ слушать, я бы не получила никакого удовольствія. Это я провѣрила на себѣ, слушая Фигнѣра. Публика восторгалась страшно, чуть на рукахъ не вынесли,— а я даже не слушала его, а думала о томъ, чтобы скорѣе вернуться домой, заснуть и ничего не чувствовать. Отчего это люди могутъ восторгаться, испытывать наслажденіе, а я ничего этого не могу. Эти мысли не давали мнѣ покоя. Главное мученіе заключается въ полнѣйшемъ отсутствіи жизни,—ни радости, ни страданія я чувствовать не могу,—значить и жизни во мнѣ никакой нѣтъ.

26/xi. Эту ночь я не смыкала глазъ до самаго утра,—но не смотря на это ночь пролетѣла страшно быстро. Меня вдругъ освѣтилъ какой-то необычайный восторгъ и самыя безумныя, но пріятныя, мысли полѣзли мнѣ въ голову. Отдѣлаться отъ нихъ я никакъ не могла и мнѣ удалось заснуть только утромъ. Встала я съ сильной головной болью, но чувствовала себя довольно сносно. Вечеромъ чувствовала себя совсѣмъ хорошо и читала съ большимъ наслажденіемъ. Этотъ переходъ отъ плохого состоянія къ хорошему напомнилъ мнѣ такую картину: какъ будто изъ мрачнаго подвала перешла въ комнату, освѣщенную окнами, свѣтлую, теплую, уютную. Этотъ свѣтъ меня сначала ослѣпляетъ, но мало по малу я начинаю привыкать. Какъ хорошо жить въ такой комнатѣ!..

27. Настроеніе духа, противъ обыкновенія, удивительно тихое и спокойное. Это мнѣ первый разъ случается, чтобы въ первый день хорошаго состоянія я чувствовала себя такою спокойною. Обыкновенно начинается съ экзальтаціи. Теперь же я ничего подобнаго не чувствую. Голова у меня свѣжая, ясная. Мысли работаютъ прекрасно. Заниматься я могу сколько угодно. Теперешнее мое настроеніе меня очень радуетъ. Оно является наилучшимъ доказательствомъ улучшенія моего состоянія. Слова профессора оправдываются вполне, за что я

ему бесконечно благодарна. Теперь я полна надеждъ и мнѣ хочется жить, жить и жить.

28. Состояніе души самое свѣтлое и хорошее. Я какъ будто обновилась. Даже не узнаю самое себя. Я стала совсѣмъ другой, — ровная, покойная. Какая разница между этимъ спокойствіемъ и тѣмъ, что я испытывала въ періодъ тяжелаго состоянія: то было зловѣщее спокойствіе, — а это спокойствіе тепла и свѣта, согрѣвшихъ мою душу. Это и не веселье экзальтаціи. Это вѣроятно здоровье.

Изъ этого добавленія мы видимъ, что больная вторично пережила періодъ депрессіи, приблизительно въ тѣ же числа слѣдующаго мѣсяца, и вновь испытала хорошее самочувствіе; но конечный фазисъ оказался нѣсколько иной. Съ 27 ноября наступило совершенно ровное и покойное состояніе, — больная чувствовала себя очень хорошо, счастливою, довольною и жизнерадостною; — но эта жизнерадостность обуславливалась не состояніемъ экзальтаціи, а являлась реакціею сознанія молодой души, что она избавилась отъ болѣзненнаго состоянія. И дѣйствительно, больная 28 февраля была вновь у проф. Ковалевскаго, причемъ какъ мать, такъ и больная заявили, что съ 27 ноября и по послѣдній день у больной не было ни состояній депрессіи, ни состояній экзальтаціи. Она все время оставалась ровною, покойною и нормально жизнерадостною. Очевидно въ ночь съ 25 на 26 ноября происходилъ у больной переломъ изъ депрессіи не къ экзальтаціи, а къ здоровью. Трудно сказать, будетъ ли это здоровье, или только за ея трехлѣтнюю болѣзнь первый свѣтлый промежутокъ. Дневникъ продолжаетъ вестись, а будущее покажетъ, какой будетъ исходъ болѣзни.

Если бы мы, заручившись болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ замѣтокъ подобныхъ больныхъ, попыталась графически выразить колебанія ихъ настроенія, то сдѣлали бы это съ большимъ правомъ, чѣмъ дѣлаемъ иногда лишь на основаніи только личныхъ клиническихъ наблюденій. Анализъ рукописей больныхъ этого рода можетъ дать намъ обширное поле для изученія клиническихъ формъ

періодическихъ психозовъ, позволить намъ болѣе точно квалифицировать страданіе на основаніи его теченія и представить намъ фактической, и даже статистической, матеріаль для рѣшенія вопроса о длинѣ каждаго промежутка, объ измѣняемости его въ зависимости отъ продолжительности теченія страданія, объ остротѣ наступленій періодовъ и т. д. и д., что путемъ чисто клиническихъ наблюденій и опросовъ больныхъ мы дѣлаемъ, собственно, лишь съ извѣстной долей вѣроятія. Но изученіе періодическихъ психозовъ на основаніи письма возможно лишь при наличности болѣе или менѣе значительнаго количества наблюденій въ этомъ отношеніи, наблюденій проведенныхъ въ теченіи продолжительнаго времени. Однако, приведенный нами примѣръ хорошо доказываетъ, сколь важнымъ является письмо душевно-больного при указанныхъ формахъ для цѣлей диагностическихъ, цѣлей изученія картины страданія и цѣлей прогностическихъ, если вы наблюдаете, напримѣръ, сближеніе періодовъ, измѣненіе стили въ изложеніи написаннаго въ сторону пониженія интеллекта и пр.

Что касается внѣшности письма страдающихъ періодическими и циркулярными формами психозовъ, то, въ зависимости отъ степени выраженности меланхолическаго или маниакальнаго состоянія, письмо можетъ пріобрѣтать особенности, свойственныя этимъ состояніемъ. Огромное значеніе имѣетъ высота развитія этихъ симптомовъ, какъ мы уже указывали при анализѣ письма меланхоликовъ и маниаковъ; въ слабо выраженныхъ степеняхъ меланхолической депрессіи или маниакальной экзальтаціи мы имѣемъ настолько слабо выраженные особенности, что боимся ихъ демонстрировать. Рукописи больныхъ, просмотрѣнныя нами съ этой цѣлью, производили на насъ впечатлѣніе исполненныхъ болѣе энергично въ состояніи спокойномъ, или слегка повышенномъ, чѣмъ въ то время, когда отмѣчалось пониженное настроеніе. Но, принимая во вниманіе, что записи велись въ наше отсутствіе и мы не знали внѣшнихъ условий, при которыхъ они исполнялись, мы не рѣшаемся серьезно оцѣнивать ихъ съ этой стороны, не отрицая, однако, что особенности душевнаго состоянія и въ этихъ случаяхъ отражались въ письмѣ.

Однако, нами было сдѣлано клиническое наблюдение надъ больной, изслѣдованной при различныхъ состояніяхъ и взяты образчики письма при совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, т. е. наша больная писала намъ одно и тоже, на бумагѣ того же качества, тѣмъ же перомъ и чернилами; время дня, мѣсто и положеніе больной также было совершенно одинаковы. Сопоставляя эти два образца, одинъ въ состояніи легкой маниакальной экзальтаціи, а второй во время свѣтлаго промежутка ея страданія, мы находимъ нѣкоторую разницу, считая долгомъ однако замѣтить, что образчики письма, даже приготовленные фотографическимъ путемъ (цинкографія), при оттискахъ нѣсколько теряютъ свою жизненность, выходя грубѣе оригинала.

Больная, которой принадлежатъ эти образцы, сопоставленные нами далѣе, находится въ Казан. Окр. Лечебницѣ. Мы сдѣлаемъ вкратцѣ описаніе ея душевнаго состоянія, пользуясь довольно длинной клинической исторіей болѣзни.

Больная А. 31 года, мѣщанка, грамотная поступала въ Лечебницу нѣсколько разъ. Она замужемъ, имѣла 3 дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ одинъ. Отецъ больной выпивалъ; судя по анамнезу, среди родственниковъ душевно-больныхъ не было. Начало заболѣванія отецъ больной относитъ къ 1895 году, когда его дочь, вскорѣ послѣ родовъ, сдѣлалась вялой, молчаливой, приходилось напоминать ей о пищѣ, страдала головной болью, бессонницей. Такое состояніе длилось 2-3 мѣсяца, въ теченіи которыхъ то проходило, то опять возвращалась. Въ 1896 году она поступила въ Лечебницу въ угнетенномъ состояніи, но съ сохраненнымъ сознаниемъ. Въ сдѣдующій мѣсяць она стала оживленнѣе, начала работать, интересоваться окружающимъ. Больная вышла изъ лечебницы и, по словамъ отца, около $\frac{1}{2}$ года чувствовала хорошо, но потомъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ, приблизительно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, болѣзнь возвращалась. Во 2-й разъ больная поступила въ 1898 году и въ теченіи 7 мѣсяцевъ находилась въ меланхолическомъ состояніи, далѣе въ теченіи 4 мѣсяцевъ настроеніе было ровное спокойное безъ колебанія, что дало право отнести этотъ періодъ къ *intervallum lucidum*, черезъ 4 мѣсяца этотъ стадій переходитъ въ стадій маниакальнаго возбужденія, благодаря которому больная переводилась въ отдѣленіе для буйныхъ больныхъ; маниакальный стадій опять смѣнялся четырехъ мѣсячнымъ свѣтлымъ промежуткомъ и т. д.

Слѣдя по исторіи болѣзни за душевнымъ состояніемъ больной, мы видимъ постоянное чередованіе состояній, при чемъ періоды меланхоліи колеблются отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, маниакальнаго состоянія мѣсяца 3-4, а свѣтлыя промежутки отъ 3 мѣсяцевъ до полугода.

Для наблюденій за письмомъ больной мы и воспользовались двумя смежными стадіями маниакальной экзальтаци, правда, не сильно выраженной, и свѣтлымъ промежуткомъ.

Въ періодъ времени сентябрь—октябрь прошлаго года больная была довольно оживлена, охотно бесѣдовала, была кокетлива, шумлива и нѣсколько безпокойна въ отдѣленіи для острыхъ больныхъ. Она охотно декламировала стихи, вспоминала со врачомъ о своемъ прошломъ и недурно смотрѣла на будущее. На свое состояніе она смотрѣла, однако, какъ на болѣзненное, но была увѣрена, что это скоро пройдетъ и она снова будетъ спокойной.

Повышеннымъ настроеніемъ больной мы воспользовались, чтобы взять образчикъ письма. Она охотно согласилась написать намъ что-либо на память и написала слѣдующіе четверостишье.

*Пишу не для мгновеннаго
для развлечения для забавы
для милыхъ искреннихъ
друзей для памяти
мирующимъ дней.*

Состояніе легкой маниакальной экзальтаци

(циркулярный психозъ).

Спустя нѣкоторое время, въ декабрѣ 1903 и январѣ 1904 г. мы наблюдали больную уже въ состояніи свѣтлаго промежутка. Она была спокойна, сдержанна, работала въ спокойномъ отдѣленіи для больныхъ, считала себя въ настоящую минуту нормальной и вспоминала, какъ она была на лекціи и тамъ просили ее что-либо спѣть или прочитать стихи; она помнитъ, что ей тогда очень хотѣлось сказать стихотвореніе, но она забыла, какое тогда ею было написано врачу на память; теперь же она ни за что не прочитала бы стихотвореніе на лекціи.

Воспользовавшись относительно ровнымъ настроеніемъ больной, мы упросили ее вторично написать намъ стихотвореніе. Она сдѣлала это при тѣхъ же самыхъ виѣснихъ условіяхъ, какъ и первый разъ, но съ меньшей охотой.

Образчикъ второго письма мы имѣемъ въ такомъ видѣ.

*Пишу не для мгновенной славы
для развлеченья для забавы
для милыхъ искреннихъ друзей
для памяти минувшихъ дней.*

Письмо въ состояніи свѣтлаго промежутка

(циркулярный психозъ).

При сопоставленіи этихъ двухъ образчиковъ мы наблюдаемъ нѣкоторую разницу. Второе письмо написано менѣе энергично, мельче, безъ той степени давленія, какъ въ первомъ образчикѣ. Нужно имѣть въ виду, что маниакальное состояніе у нашей больной не было рѣзко выражено, а кромѣ того и *intervall. lucidum* былъ еще въ началѣ; второе обстоятельство, способное отозваться на письмѣ, можетъ заклю-

чатся въ томъ, что давность страданія сдѣлала колебанія въ настроеніи больной вообще менѣе рельефными, какъ обыкновенно и наблюдается при продолжительномъ теченіи періодическихъ и циркулярныхъ психозовъ. Желательно, конечно, сопоставить письмо этой же больной и въ состояніи меланхоліи, но неопредѣленность, когда это состояніе наступитъ, заставила насъ воспользоваться пока тѣмъ, что удалось получить отъ больной, продолжая, однако, вести за ней наблюденія и далѣе.

Письмо при состояніи душевной спутанности.

У насъ на очереди разборъ письменныхъ произведеній душевно-больныхъ при состояніяхъ спутанности.

Слово спутанность часто употребляется въ клинической психіатріи, какъ собирательное названіе, подразумѣвая подъ нимъ такую форму расстройства сознанія, когда нарушается и ходъ и сочетаніе идей, ослабляется способность координировать и правильно сочетать получаемаыя больнымъ впечатлѣнія и больной мозгъ не въ состояніи выработать господствующаго представленія надъ остальными представленіями.

Прототипомъ спутанности сознанія можетъ служить острое безмысліе, *amentia*, подъ именемъ которой „извѣстны нынѣ такія по большей части быстро развивающіяся и бурно протекающія душевныя заболѣванія, характерной клинической чертой которыхъ является своеобразное расстройство сознанія, его спутанность (Н. М. Поповъ¹⁾).

Но подъ именемъ спутанности, однако, далеко не всѣ понимаютъ одно и тоже.

Разработка вопроса объ аменціи указала, какъ разнорѣчивы были взгляды на это состояніе. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые изъ нихъ съ цѣлью выяснить, какого рода состояніе было предметомъ нашего изслѣдованія по отношенію къ письму.

Heinroth, Ideler, Spielmann, Griesinger, Emminghaus и др.²⁾ подъ именемъ спутанности (*Ver-*

¹⁾ Н. М. Поповъ. Лекціи по частной психопатологіи. 1898 г.

²⁾ Цит. по Н. Я. Смѣлову. *Amentia* (Meunier'a). Казань, 1896.

wirrtheit) подразумѣвали скорѣе вторичныя формы душевнаго разстройства, какъ послѣдствіе помѣшательства (paranoia), неистовства, меланхоліи, весьма тѣсно примыкающія къ слабоумію.

Griesinger¹⁾ подъ этимъ именемъ спутанности понималъ состояніе психической слабости „безъ явнаго преобладанія какогонибудь безумія“. Основное разстройство состоитъ въ общей слабости психической дѣятельности и не даетъ хорошаго предсказанія.

Esquirol, однако, различалъ острую, хроническую спутанность, простую, сложную, ремиттирующую и интермиттирующую, а также отличалъ ее отъ маніи, маноманіи, безумія и идиотизма. Однако, по его мнѣнію, тамъ, гдѣ наблюдается разстройство идей, склонностей и намѣреній, вслѣдствіе ослабленія и уничтоженія интеллектуальной способности, такъ будетъ „спутанность“.

Со времени работъ Snell'я, Meynert'a, Wille'я, П. И. Ковалевскаго, С. С. Корсакова и др. спутанность уже имѣетъ право претендовать на обособленіе, какъ самостоятельная клиническая единица и диагностируется какъ таковая, но неодинаково объясняется съ психологической стороны.

Meynert приписываетъ существенную роль разстройству ассоціативной дѣятельности, а также и вліянію обмановъ органовъ чувствъ; такого-же мнѣнія держатся Н. М. Поповъ²⁾, С. С. Корсаковъ и мн. др.

Проф. П. И. Ковалевскій первое мѣсто отводитъ пораженію сознательной дѣятельности, способности соображенія и мышленія, а рядомъ съ этимъ и обманамъ органовъ чувствъ. Mauser³⁾ считаетъ основой аменции неспособность произвольно концентрировать вниманіе и обманы органовъ чувствъ. Schüle⁴⁾ основываетъ характеръ клинической кар-

¹⁾ Griesinger. Душевные болѣзни. 1866 г. стр. 395.

²⁾ Н. М. Поповъ. Лекціи по частной психопатологіи. 1898.

³⁾ Mauser. Цит. по Н. Я. Смѣлову.

⁴⁾ Strüle. Душевные болѣзни. 1880.

тины на разстройствѣ сознанія. Наконецъ, нѣкоторые отводятъ видное мѣсто аффективности на равнѣ съ другими симптомами, или указываютъ на безпричинную тоску, страхъ, которые, однако, не стоятъ въ зависимости отъ галлюцинацій.

Все это указываетъ, какъ разнообразно понимается основа этого состоянія. Уже обиліе синонимовъ для аменціи,—ихъ можно насчитать до 50-ти,—соотвѣтствуетъ разнообразію во взглядахъ.

Разнообразіе проявленій спутанности вызвало различныя подраздѣленія аменціи, которую дѣлятъ на виды: 1. сложную спутанность, 2. галлюцинаторную, 3. маниакальную, 4. меланхолическую, 5. ступорозную (Meunert), или раздѣляютъ на 1. хроническую, 2. подострую, 3. острую и острѣйшую (Mayser, Wille, П. И. Ковалевскій) съ выше указанными подвидами по Meunert'у. Кромѣ того выдѣляютъ бредовую и дементную форму (Корсаковъ), или интеллектуальную и галлюцинаторную (Нечай, Kraepelin и др.).

То состояніе спутанности сознанія въ смыслѣ симптоматическомъ, которое изслѣдовалось нами на способность письма, мы должны отнести собственно къ аментивной спутанности. Симптомъ этотъ, проявляясь въ письмѣ относительно остро, не всегда конечно, даетъ намъ указанія на происхожденіе спутанности, т. е. является-ли она результатомъ маниакальнаго или галлюцинаторнаго возбужденія.

Со стороны содержанія письменныхъ произведеній лицъ страдающихъ той или иной формой спутанности основной чертой выступаетъ безсвязность изложенія. Мы не видимъ здѣсь того, что должно наблюдаться нами въ нормальномъ письмѣ, т. е. сочетанія идей и ихъ взаимной послѣдовательности. Но указанная несвязность можетъ быть чрез-

¹⁾ Griesinger. Душевныя болѣзни. 1886.

вычайно разнообразной въ своихъ степеняхъ, ограничиваясь или не послѣдовательными заключеніями или быстрымъ переходомъ отъ одного предмета къ другому, тогда какъ понятіе о предметѣ является достаточно правильнымъ.

Образчикомъ довольно рѣзкой безсвязности можетъ служить написанное больнымъ по нашей просьбѣ.

„Трубка благо цувьта.... морская пивка.... фамильный колганъ и колчанъ.... чай японскій каята.... папирсы акація.... дуан жасминъ черемуха...

Подъ козырекъ можно отдавать.... зонтикомъ.... курить можно папирсы Ландышъ.... Лилія.... водяная Лидія Ш....а“

Больной Б, которому принадлежитъ образчикъ, 24-лѣтній граверъ, злоупотреблялъ спиртными напитками. Анамнезъ крайне скуденъ. Въ августѣ 1903 г. доставленъ въ Лечебницу въ состояніи рѣзкой спутанности. Больной подвиженъ, поетъ, говоритъ безсвязно, находится видимо подъ вліяніемъ обильныхъ обмановъ органовъ чувствъ, — кому-то отдаетъ приказанія, командуетъ, отдаетъ честь по военному подъ козырекъ и пр. Въ дальнѣйшемъ — нѣсколько спокойнѣе. Называетъ себя правильно, но считаетъ полководцемъ, больныхъ принимаетъ за солдатъ. Рѣчь довольно непослѣдовательна, больной не въ состояніи на долго сосредоточить вниманіе. Изъ обрывковъ фразъ можно заключить, что онъ знаетъ мѣсто своего пребыванія, но называетъ зданіе, гдѣ онъ находится то своимъ домомъ, то больницей. Въ болтавнѣ ассоціируетъ иногда слова по созвучію: «Сократъ, жеребень 2-го эскад-

рона. Богданъ Хмѣльницкій... хмѣль... хлѣбъ... Къ Ивану эсаулу снести... Эдуардъ учился въ Англіи... Тарасовъ, Щербинъ, Щербаковъ, Петергофъ...» и т. д.

Съ физической стороны у больного отмѣчена легкая гиперемія конъюнктивы, повышеніе рефлексовъ; зрачки равномерны, нѣсколько расширены, въ рукахъ легкой tremor. Сонъ тревожный, аппетитъ средній.

Что касается внѣшности, то письмо не отличалось чѣмъ-либо особеннымъ; написано было довольно хорошо, достаточно быстро, но на двухъ обрывкахъ бумаги въ нашемъ присутствіи. Больной на мѣстѣ поставленнаго нами многоочія дѣлалъ паузы. Предлагая ему что-либо написать, мы встрѣтили сначала нѣкоторое противодѣйствіе, но потомъ больной самъ почти машинально взялъ перо и писалъ. Оставилъ письмо также машинально, будучи какъ-бы отвлеченъ въ сторону.

Есть основаніе думать, что во время письма больной не былъ свободенъ отъ галлюцинацій, по крайней мѣрѣ слухового характера. Онъ постоянно прислушивался, поворачивался,—но въ письмѣ не видно, чтобы обманы органовъ чувствъ оказывали особенное вліяніе. Преобладающей идеей у больного съ это время были „папиросы“, о которыхъ онъ часто вспоминалъ на словахъ, возвращался къ этому нѣсколько разъ, говоря, что хочетъ курить. Мысль о папиросахъ повліяла на содержаніе письма, гдѣ встрѣчаются названія, приурочиваемыя больнымъ къ названіямъ папиросъ, но слова бессистемно ассоціируются и по созвучію, какъ напр., Лидія—Лилия... колганъ—колчанъ.

На основаніи этого письма мы можемъ констатировать довольно рѣзкую безсвязность въ теченіи идей, но мы не рѣшаемся сказать о какомъ-либо вліяніи на содержаніе обмановъ органовъ чувствъ.

Какъ образчикъ безсвязности въ письменной рѣчи, мы можемъ еще привести письмо больного, заимствуя его у У. Сенкея¹⁾.

¹⁾ Д-ръ У. Сенкей. Лекціи о душевныхъ болѣзняхъ. Спб. 1868 г.

„Любезный докторъ и мадамъ!

Мы его просили, и (сегодня прислано отъ принца валлійскаго позволеніе отъ 1862 года) что мы ему никогда не отказывали, но такъ какъ одна птица въ рукахъ стоитъ двухъ въ кустарникѣ, мы пятого ноября прошли черезъ судъ, приговоръ судей былъ, что деньги должны быть заплачены напередъ. Дневной хлѣбъ и здравый смыслъ зависѣлъ отъ возвращенія 10 фунтовъ на руки, приговоръ судей — дамы не могли подвергаться лондонской толпѣ съ большой суммой 40 фунтовъ или было сказано, что 80 фунтовъ въ годъ будетъ достаточно неполучивъ никакого письменнаго приказанія какъ мы могли пройти сквозъ билетъ безъ билета такой какъ при всѣхъ случаяхъ есть полицейскій паспортъ. Мы знали прежде чѣмъ пришли сюда, что позволеніе дано было англійскому континентальному адвокату какъ представителю въ дѣлѣ закона, въ которомъ принцъ Иванъ Саксонскій по дурнымъ слухамъ на счетъ моего характера хотѣлъ быть безсознательно почтительнымъ главой дѣла. Мы конечно отказали ему въ добромъ желаніи помочь намъ и судебнымъ порядкомъ, которое было ни на чемъ не основанное дѣтское въ прошедшемъ и въ будущемъ, смотря на нашу настоящую исторію пусть дружба займетъ мѣсто представительства такъ какъ деньги нашъ другъ по штемпелю короля на монетѣ“.

Получить письмо при состояніи спутанности или галлюцинаторнаго возбужденія въ острой формѣ, является дѣломъ не легкимъ. Больные могутъ быть сильно подвижны, такъ же непослѣдовательны въ своихъ двигательныхъ актахъ, какъ и въ рѣчи; эта подвижность, неустойчивость психомоторныхъ импульсовъ дѣлаетъ актъ письма затруднительнымъ, но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ удается получить подобный экземпляръ, онъ является весьма демонстративнымъ. Онъ отражаетъ въ себѣ спутанность идей и въ то же время разбросанность, неустойчивость въ самомъ двигательномъ актѣ.

Интересный по своей виѣшности и рѣдкій образчикъ письма доставленъ намъ д-ромъ Н. В. Краинскимъ. Письмо

это, написанное больнымъ въ состояніи галлюцинаторнаго слухового возбужденія, воспроизведено нами въ точной копій на прилагаемой таблицѣ. Къ письму этому слѣлана замѣтка д-ромъ Н. В. Краинскимъ, что больной, когда успокоился, отрекся отъ своего письма и не хотѣлъ вѣрить, что оно было исполнено имъ.

Обращаясь къ внѣшности письма при состояніи спутанности, а въ частности къ приведенному на таблицѣ образчику, мы на первый взглядъ могли бы думать, что имѣемъ дѣло съ письмомъ при состояніи маніи. Но если внимательно вглядываться въ написанное, въ его, такъ сказать, фізіономію и сопоставить съ тѣмъ, что мы говорили о внѣшности письма при маніи, то можно найти и разницу. При маніи мы видимъ большій размахъ самаго движенія, видимъ усиленіе возбужденія къ концу письма; на ряду съ поспѣшностью,—все это сказывается и въ величинѣ буквъ и съ скорости письма и въ постепенномъ исчезаніи концовъ словъ и т. д. Здѣсь же мы наблюдаемъ прежде всего поспѣшность, неравномѣрность буквъ, но не можемъ признать, чтобы величина буквъ преобладала, наоборотъ мы склонны видѣть мѣстами явленія микрографіи, на ряду съ явленіями макрографіи. По мѣрѣ писанія не видно, чтобы размахи движенія увеличивались. Письмо слѣлано какъ-бы порывами, гдѣ рядомъ съ элементами относительно спокойнаго движенія, выступаетъ возбужденіе; однако, больной ставитъ знаки препинанія и небрежность въ письмѣ, можно думать, скорѣе зависитъ отъ поспѣшности, будто больной спѣшитъ занести скорѣе то, что ему диктовали, чѣмъ отъ двигательнаго возбужденія маниакальнаго характера.

Провести болѣе точную разницу между внѣшнимъ видомъ письма при маниакальной и галлюцинаторной спутанности является конечно затруднительнымъ.

Такимъ образомъ явленія спутанности въ содержаніи письменныхъ произведенія скажутся безсвязностью изложенія, причемъ больной можетъ быть еще въ состояніи построить фразы съ опредѣленнымъ смысломъ, но не въ состояніи ихъ ассоціировать между собою; въ крайнихъ степеняхъ пропадаетъ способность смысловой ассоціаціи словъ,

и письмо дѣлается абсолютно безмысленнымъ наборомъ словъ, связанныхъ между собою по созвучію. При анализѣ подобныхъ произведеній желательно принимать во вниманіе и внѣшность, такъ какъ она можетъ указать намъ на двигательное возбужденіе больного и дать объясненіе для причинъ безсвязности; на примѣръ, теченіе идеи ускорено и больной не успѣваетъ писать, пропуская слова; но, если мы имѣемъ относительно спокойную внѣшность и рѣзко выраженную безсвязность, то можно думать о пораженіи ассоціативной дѣятельности мозга. Безсвязность изложенія и спокойная внѣшность могутъ говорить намъ о пониженіи интеллекта больного, при явленіяхъ вторичнаго слабоумія, но въ содержаніи написаннаго при немъ можно встрѣтить обрывки бредовыхъ идей, остатки прежней личности больного при чемъ въ письмахъ слабоумныхъ спутанность не достигаетъ такихъ степеней, какъ при явленіяхъ аментивной спутанности. По мѣрѣ пониженія интеллекта у вторично-слабоумнаго понижается вообще желаніе писать и отсутствуетъ идея, которую надлежало-бы облечь въ письменное слово.

Письмо параноиковъ.

Одна изъ интереснѣйшихъ формъ душевнаго разстрой-ства, съ которой относительно часто приходится встрѣчаться психіатру, есть паранойя, или первичное бредовое помѣшательство.

Огромное разнообразіе клиническихъ картинъ этого страданія дало возможность расчленивъ общее названіе паранойи на цѣлый рядъ частныхъ, употребляя ихъ, какъ дѣлаетъ это напр., Krafft-Ebing¹⁾ и др., смотря потому, въ какую пору жизни проявилась болѣзнь (par. originaria, par. acquisita s. tardiva), какова ея этиологія (par. neurasthenica, hysterica, hypochondrica, alcoholica и пр.) и каково содержаніе идей бреда (par. persecutoria, sexualis, querulenta, reformatoria, erotica и т. д.).

Обиліе названій, введенныхъ такимъ образомъ въ психіатрію, однако, нельзя считать явленіемъ отрицательнымъ. Наоборотъ, это даетъ возможность болѣе точно квалифицировать страданіе безъ боязни, что оно можетъ быть утеряно, такъ какъ общій связующій признакъ всѣхъ этихъ разновидностей остается не нарушеннымъ. Такой признакъ—дегенеративная основа болѣзни.

Касаться въ отдѣльности каждой изъ клиническихъ формъ бредового помѣшательства мы не будемъ, а постараемся указать характерныя особенности письма при этой группѣ душевнаго разстройства, лишь отдѣльными примѣрами иллюстрируя сказанное. Отчасти особенности письма

¹⁾ Krafft-Ebing. Учебникъ психіатріи, 1897 г. стр. 520.

параноиковъ были указаны уже нами въ одной изъ предыдущихъ работъ ¹⁾.

Мы полагаемъ, что не будетъ преувеличеннымъ, если скажемъ, что письма параноиковъ могутъ быть настолько характерными, что по клочку бумаги въ отсутствіи больного мы имѣемъ иногда возможность опредѣлить страданіе.

Письма, страдающихъ бредовымъ помѣшательствомъ, заслуживаютъ вниманія, какъ по своему содержанію, такъ и по своей внѣшности.

Съ только что сказаннымъ вполне согласны авторы, изучавшіе рукописи параноиковъ. Лишь нѣкоторымъ диссонансомъ можно считать мнѣніе G ü n t z'a ²⁾, который говоритъ, что идеи преслѣдованія не отражаются въ письмахъ. Съ подобнымъ убѣжденіемъ нельзя согласиться, если обратить вниманія на указаніе M a r c é ³⁾, что при анализѣ письменныхъ произведеній помѣшанныхъ слѣдуетъ отличать собственно письма, т. е. переписку съ родными и знакомыми, отъ бумагъ, т. е. личнаго портфейля больного. Первые дѣйствительно могутъ не дать никакихъ характерныхъ данныхъ, тогда какъ вторые являются цѣнными документами для діагностики и судебно-медицинской экспертизы. Кроме того хорошо извѣстно, что параноія является замѣчательнымъ заболѣваніемъ, въ которомъ на ряду со здравымъ смысломъ и разсудительностью уживаются ложныя представленія и сужденія. Невольно приходится повторить вопросъ W e r n i c k e ⁴⁾: „какимъ образомъ могутъ уживаться въ той же самой головѣ съ одной стороны бездна невѣрныхъ представленій и сужденій, находящихся въ противорѣчій какъ другъ съ другомъ, такъ и съ дѣйствительностью, съ другой—формальная логичность, кажущаяся разсудительность и, въ общемъ, довольно правильное пониманіе положенія“. Этой

¹⁾ В. Н. Образцовъ. Анализъ письма параноиковъ. Русск. Мед. Вѣстникъ. 1903 г.

²⁾ G ü n t z. Der Geisteskranke in seinen Schriften. 1861. Цит. по Christoph von Schroeder'у.

³⁾ M a r c é. De la valeur des écrits des aliénés. Paris 1864 г.

⁴⁾ Штеррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. Спб. 1903, стр. 216.

именно особенностью болѣзни мы и склонны объяснить, почему бредъ не безусловно необходимъ при письменной рѣчи больного, принимая во вниманіе къ тому же свойственную параноику подозрительность и скрытность.

Однако, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы параноикъ, оставшись съ глазу на глазъ съ листомъ бумаги, безъ боязни быть открытымъ, не повѣдалъ ей своихъ тайнъ, хотя бы изъ желанія активно проявить свое новое „я“, занести на бумагу мысли, которыхъ такъ много, и тѣмъ невольно не выдалъ бы своихъ идей.

Такимъ образомъ, отрицательныя данныя при анализѣ письма не должны еще служить доказательствомъ отсутствія страданія; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ письменные документы указываютъ на существованіе бредовой идеи, опредѣляютъ ея характеръ и направленіе, детально знакомя врача съ ея содержаніемъ. Въ иныхъ же случаяхъ содержаніе письма наталкиваетъ врача на новый путь наблюденія и уясняетъ непонятное на первыхъ порахъ поведеніе больного, давая въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ бесѣда съ больнымъ.

Мы позволимъ себѣ сообщить содержаніе одного письма, оригиналъ котораго хранится въ музеѣ Казанской Окруж. Лечебницы.

Въ поясненіи къ этому письму сказано: „Долгое время по поступленіи въ лечебницу больная тщательно и успѣшно скрывала свой бредъ и только въ одномъ изъ писемъ проявила компрометирующіе ее въ этомъ отношеніи признаки“.

Больная пишетъ:

Въ теченіи трехъ лѣтъ жизни въ больницѣ для душевно-больныхъ меня никто изъ сумашедшихъ мужчинъ не насилывалъ и не билъ и ничего дурного со мною не случилось. Но я очень разстроена тѣмъ, что замѣчаю постояннае изнуряющее мозгъ электрическое вліяніе. Отъ продолжительнаго дѣйствія электричества на тѣло слабѣетъ мозгъ и тѣло, такъ какъ продолжительное электрическое лѣченіе вредно оказывается. Мнѣ кажется, что меня лѣчили отъ водянки мозга,

высушивая мозгъ, отъ брюшной водянки, содѣйствуя выдѣленію мочи, отъ каттара, ускоряя и облегчая пищевареніе; выслушивали сердце заочно, испытывали нервную силу, передачу впечатлѣній, возбудимость и т. д. При наэлектризованномъ мозгѣ нѣтъ никакой возможности воздержаться отъ повторенія чужихъ словъ мысленно и отъ невольнаго уловленія чужихъ мыслей и представлений. Такое шпионское состояніе мозга очень трудно переносить. Поэтому многіе по ночамъ сами съ собой разсуждаютъ, чтобы избавиться отъ вліянія чужихъ мыслей на мозгъ; мнѣ очень больно думать, что меня кто-то заподозрѣваетъ въ желаніи добиться обвиненія мужа въ политическомъ отношеніи съ нѣлюю казнить его. Я не собираюсь выходить замужъ и незаконной связи не желаю.

Одна изъ замѣтокъ этой же больной озаглавлена: „Взглядъ на шпионство“.

«Отказъ отъ поступленія въ политическіе шпионы я не считаю ни грѣхомъ, ни политическимъ преступленіемъ. По моему мнѣнію, въ такомъ отказѣ нѣтъ ничего политическаго и ничего особеннаго. Есть очень много благонамѣренныхъ людей на свѣтѣ, никогда не служившихъ жандармами и шпионами. Нельзя же требовать отъ всѣхъ русскихъ людей, чтобы они занимались политическими предательствами и политическими слѣдствіями и т. д.

Лишь получивъ вышеприведенныя свѣдѣнія, можно было выяснитъ состояніе больной и опредѣлитъ характеръ клинической картины. Уже на основаніи прочитаннаго, врядъ ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ дѣло съ бредовымъ помѣшательствомъ и что у больной наблюдаются обманы органовъ чувствъ.

Огромнѣйшее разнообразіе бредовыхъ идей параноиковъ, отражаясь въ письменныхъ произведеніяхъ ихъ, даетъ не менѣе разнообразное содержаніе ихъ литературныхъ произведеній. Привести содержаніе письменныхъ сообщеній помѣшанныхъ, такъ сказать, къ общему знаменателю, гово-

рить проф. Фрезе¹⁾, къ какой нибудь опредѣленной формулѣ, на первый взглядъ кажется невозможнымъ точно такъ же, какъ и невозможно перечислить всѣ ложныя представленія и сужденія, могущія возникнуть въ головѣ душевнобольного. Однако, Фрезе дѣлаетъ попытку установить нѣсколько главныхъ группъ отношеній, преимущественно составляющихъ содержаніе нашего сознанія. Таковыми, напр., могутъ быть отношенія человѣка:

1. къ міру сверхестественному,
2. къ внѣшнему міру и окружающимъ лицамъ и
3. къ самому себѣ.

Указанная проф. Фрезе точка зрѣнія есть, собственно говоря, общая точка зрѣнія, съ которой мы вообще оцѣниваемъ состояніе больного и въ одинаковой мѣрѣ приложима къ тому, чѣмъ вообще проявляетъ себя больной, къ его рѣчи, поведенію и т. д. Вполнѣ естественно, что все это отразится и въ письменной рѣчи больного. Нельзя конечно теоретически разграничить одну группу отношеній отъ другой,—все это въ сознаніи нашемъ сочетается и сливается и конечно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ едва ли удастся привести данное отношеніе подъ одну изъ группъ. Но какъ бы то ни было, говоритъ проф. Фрезе, письменныя произведенія помѣшанныхъ, заявляя, въ какомъ бы то ни было отношеніи о содержаніи его сознанія, непремѣнно сообщаютъ намъ о томъ, что онъ чувствуетъ, о чемъ мыслить и къ чему стремится.

Въ первую группу отношеній проф. Фрезе относилъ всѣ религиозныя и философскія воззрѣнія, облеченныя въ извѣстныя догматическія и научныя формы; сюда же относятся религиозныя убѣжденія и стремленія отдѣльнаго лица и представленія, создаваемыя суевѣріемъ. Вторая группа обнимаетъ собою воззрѣніе на природу, а также семейное, общественное и политическое положеніе человѣка. Здѣсь находятъ себѣ мѣсто произведенія страдающихъ бредомъ

¹⁾ Проф. Фрезе. О письменныхъ сообщеніяхъ душевно-больныхъ. Русск. Мед. Вѣстн. 1903 г. № 24.

преслѣдованія и сутяжничества. Въ третью группу заключены отношенія человѣка къ самому себѣ, т. е. представленія о собственномъ физическомъ и нравственномъ состояннн, равно какъ и личныя интересы и стремленія.

Но кромѣ этого при оцѣнки произведеннй душевнобольныхъ вообще, а въ частности произведеннй параноиковъ рекомендуютъ держаться и иной точки зрѣння, чѣмъ точка зрѣння проф. Фрезе. Во-первыхъ письма могутъ подтверждать то, что высказываетъ больной, служа фактическимъ документамъ; во-вторыхъ могутъ открывать то, что больной не высказываетъ, а скрываетъ, расширяя тѣмъ рамки клиническаго наблюдення и въ-третьихъ—могутъ служить доказательствомъ симуляцн, противорѣча состояннн больного.

Нѣсколько образчиковъ содержання письма параноиковъ при различныхъ видахъ паранойн мы позволимъ себѣ привести.

Вотъ образчикъ письма параноика, страдающаго бредомъ преслѣдовання (образчикъ помѣщенъ у Фрезе).

Въ Комитетъ Министровъ.

Изъ П. я послалъ въ Комитетъ Министровъ докладную записку, въ которой объяснилъ вкратцѣ, какую травлю устроила надо мной въ О. третьеотдѣленская шайка, разобитенная обманутой надеждой схватить крупный кушъ при предполагавшемся похищеннн мною дѣвицы Г. Подъ командой иезуитовъ, засѣвшихъ въ помойную яму третьяго отдѣлення со времени графа Жозефа-де Мистра, шпнны задумали устроить съ несчастной дѣвушкой другую гораздо болѣе общавшую спекуляцню, какъ это мною описано въ докладной запискѣ своей въ правительствующей, но бездѣйствующей, Сенатъ. Жертвой этой, не имѣющей названня на языкѣ человѣческомъ, гадости сдѣлался полуиностронецъ по происхожденню, никакъ не могшй усвоить себѣ русскня нравы.

Когда въ П. эта травля продолжалась, когда унтеръ-офицеры жандармской команды, проходя мимо меня, тоже многозначительно кашляли, сморкались, совали руки въ карманъ,

и я спросилъ у одного изъ нихъ, къ какому тайному обществу онъ принадлежитъ, освѣдомился о его фамиліи и явился къ начальнику П-скаго Жандармскаго управленія, жалуюсь на поведеніе его молодцовъ, то онъ объяснилъ мнѣ, что жандармы исполняютъ свою обязанность. Здѣсь въ домѣ умалишенныхъ шпионы научаютъ меня и издѣваются надо мной какъ хотятъ. Ординаторъ С. говорилъ мнѣ, что, если онъ не будетъ исполнять шпионскихъ приказаній относительно сморканія, кашлянія, плеванья и т. д., то можетъ попасть на мое мѣсто. Вотъ шпионы дурачатъ русскаго! Вотъ уже годъ, что я сижу въ домѣ умалишенныхъ. Мое физическое здоровье погибло безвозвратно, но я хочу беречь разумъ и время: то и другое нужно человѣчеству. Я не могу оставаться въ странѣ, гдѣ существуетъ китайская пытка, гдѣ кому-бы то ни было поставляется въ обязанность кашлять при встрѣчѣ со мной. Я прошу свободнаго пропуска за границу.

Какъ образчикъ бредового помѣшательства съ ипохондрическимъ оттѣнкомъ можетъ служить слѣдующее письмо:

„Всемиловѣйшій Господинъ Директоръ!

Находясь на вашемъ попеченіи въ Казанскомъ окружномъ домѣ умалишенныхъ, я въ настоящее время очень обременяемъ и ожесточаемъ. Изъ рта и отъ канала безостановочно выдуваетъ вѣтромъ; черезъ смрадъ я подвергаюсь большимъ разстройствамъ. Поэтому очень страдаю глистами, которые рождаются все больше и больше отъ этого немилосерднаго, непочтительнаго и небогобязненнаго вѣтра и смрада и которые развились уже въ такой степени, что нѣтъ ни одного порожняго мѣста во мнѣ, въ тѣлѣ, въ желудкѣ, въ цѣломъ организмѣ. Руки у меня отняты, ноги отняты, головы нѣтъ и челюстей нѣтъ, кожа у меня на головѣ въ глистахъ, также лицо все въ глистахъ, въ ногахъ, рукахъ глисты, подъ лопатками глисты,—оттуда они нанесли мнѣ жесточайшія раны и царствуютъ постоянно во мнѣ и дѣлаютъ мнѣ ужаснѣйшія обиды; въ бокахъ глисты, такъ что даже невозможно дышать.

Не богобоязненное и немилостивое во мнѣ работаніе смрадомъ неизвѣстнымъ мнѣ индивидуализмомъ безостановочно и день и ночь уже болѣе терпѣть не могу. И прошу я совѣта у господина Директора, чтобы пріостановить смрадъ, дѣлаемый во мнѣ незнакомыми индивидуализмами. Ибо глисты, ими царствующие въ моемъ желудкѣ и во всемъ тѣлѣ, до такой степени распарствовались, что своей ужасною силою смрада не только отвергають добрый путь, всюду проходимый восходъ, но даже похищаютъ постоянно внутренности мои въ желудкѣ и нарочно сильно ускользають. Япрошу Бога, чтобы глисты, существующія во мнѣ, всѣ вышли въ отхожее мѣсто, ибо глистамъ тамъ наилучше быть“.

Нѣкоторыя свособразныя выраженія въ запискѣ объясняются тѣмъ, что авторъ ея, будучи польскаго происхожденія, не совсѣмъ твердо владѣлъ русскимъ языкомъ.

Чрезвычайно интересный образецъ письма параноика мы имѣемъ благодаря любезности проф. П. И. Ковалевскаго, гдѣ въ письмѣ рельефно выступаютъ идеи преслѣдованія съ ипохондрическимъ оттѣнкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ сутяжнаго помѣшательства.

Разсказъ странника—богомолы.

Въ назиданіе другимъ странникамъ богомоламъ.

Хотя Св. Евангеліе гласитъ: что легче Верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войдти въ Царствіе Небесное; и какая польза чловѣку, если онъ обрететъ весь міръ, а душѣ своей необрететъ спасенія. Можетъ быть въ древнія времена люди бѣдныя и обретали спасеніе своимъ душамъ и тѣлесамъ, но въ настоящій вѣкъ это положительно невозможно.

Представьте Вы положеніе странника — богомола безъ денегъ, въ роли нищаго, представляющаго изъ себя жалкое созданіе, подверженное всевозможнаго рода обидамъ, которыя волей не волей надо перенести. Бѣдный странникъ поставленъ въ печальную необходимость попросить

Ради Христа кусокъ насущнаго хлѣба и ночлега, въ которыхъ нерѣдко ему и отказываютъ. А если и выпросишься на ночлегъ, то за 1 ночь надо перенести 100, если не болѣе обидь. Не ночевать же въ морозный день на улицѣ. Волей, не волей и переносишь. Слѣдовательно, при такого рода порядкѣ вещей никакъ не спасешь души своей, потому что приходится постоянно раздражаться и волей не волей ругаться, но погубишь тѣлеса и душу. Въ настоящее время, на бѣднаго странника-богомольца, даващаго обѣщаніе поклониться мощамъ Св. Угодниковъ, смотрятъ какъ на челоуѣка избѣгающаго труда и относятся къ нему съ пренебреженіемъ и допускаютъ разнаго рода гнусныя издѣвательства, за которыя законъ строго преслѣдуетъ, но доказать которыя безъ докторовъ положительно не возможно. Изъ Г. Красноярска, Енисейской Губерніи, гдѣ я служилъ вольнонаемнымъ писцомъ, въ Енис. Гос. Судѣ, я, согласно данному обѣщанію, отправился въ г. Кіевъ, поклониться мощамъ Св. Угодниковъ. 15 января с. г. по дорогѣ въ г. Кіевъ удостоился поклониться чудотворнымъ иконамъ: Св. Николая Чудотворца въ сел. Семи-Лужкахъ Томск. губерніи, Абалацкой, Казанской, Ахтырской и Кіево-Печерской Божіимъ Матерямъ и мощамъ, Св. Угодниковъ: Симеону Праведному Верхогурскому Чудотворцу, Тихону Задонскому, Митрофанію Воронежскому, Іоасафу Бѣлгородскому, Афонасію Лубенскому, Макарію Переяславскому и всѣмъ Кіевско-Печерскимъ Чудотворцамъ. Обѣщаніе въ г. Кіевѣ я исполнилъ 14-го октября м. г., а 21 октября с. г. изъ г. Кіева отправился черезъ Одессу, Херсонъ и Симферополь въ г. Керчь, Тавричesk. Губерніи посмотреть этотъ городъ, какъ родину моего отца, и подышать свѣжимъ Крымскимъ воздухомъ, который долженъ бы, по моему предположенію, подѣйствовать благотѣльно на мою больную грудь. Во всю дорогу, отъ г. Красноярска до г. Керчи и обратно по Л. С. Ж. Д. до Харьковскаго умышленнаго дома,—и въ сей обители, куда я угодилъ ниже-слѣдующимъ образомъ, т. е. почувствовавъ себя больнымъ, отправился въ Александровскую Больницу, гдѣ почувствовалъ невыносимый сифилитическій зудъ въ легкихъ, загорбкѣ и шоясницѣ, и по осмотрѣ г.г. доктора предложили мнѣ поле-

читься, на что я изъявилъ свое согласіе и одинъ изъ г.г. докторовъ, приказалъ изготовить бумагу для отправки меня въ Харьковскую Земскую больницу, съ тѣмъ условіемъ, что, когда пожелаю выписаться изъ больницы, въ свободѣ меня не стѣснять. И хотя я и просился выписать на свободу у старшаго врача 3 раза, но онъ почему то меня не выписываетъ,—меня Православные Христіане, Евреи, Татары, Поляки и всякая Нехристь, усыпляли хлороформомъ и хлоръ гидратомъ и въ такомъ видѣ допускались надо мною противоестественные нарушающіе законы природы поступки муже ложства и употребленія въ кадыкъ, въ особенности въ этомъ отличились хохлы, что предусотрѣно 1349 Ст. Т. XV изд. 1857 г. Вездѣ дорогой и на ночлегахъ прививали въ кишку, поясницу, загорбокъ и горло сифилитическій ядъ, что предусотрѣно 103. Ст. Уст. о наказ. налаг. Мир. Суд. Вездѣ отъ побой по головѣ, спинѣ и груди, что предусотрѣно 1533 Ст. Улож. о нак. Всю дорогу прокалывали оконечность позвоночнаго столба, портили глаза и оттягивали носъ, что предусотрѣно 1477 Ст. Улож. о нак. Вездѣ отравляли чахоточнымъ ядомъ, женскими регулами, гноями, сифилитическимъ ядомъ и сифилисомъ, что предусотрѣно 1486 Ст. Улож. о нак. и 103 Ст. Уст. о нак. налог. Мир. Суд. И хотя отъ тѣлесныхъ наказаній, какъ окончившій курсъ наукъ въ Ачинскомъ Уѣздномъ Училищѣ, вовсе изъять, подвергался, вмѣсто удовлетворенію морфіемъ,—вздутію, что предусотрѣно 1849 Ст. Улож. о нак. Отъ отравленій, побой, насилій и поврежденій позвоночнаго столба, я чуть непотерялъ разсудка, что предусотрѣно 1487 Ст. Улож. о нак. Не лишнимъ нахожу присовокупить, что въ нѣкоторыхъ психіатрическихъ лечебныхъ заведеніяхъ, леченіе производится, по точному смыслу упомянутыхъ выше Ст. Зак., а лекарствъ, которыхъ надо, хоть голову разбей, не выпросишь; и больному предстоитъ или лишеніе разсудка, или преждевременное отправленіе на тотъ свѣтъ въ лоно Авраамово. По случаю такого рода угощеній, побой и насилій и поврежденій позвоночнаго столба, я чуть-чуть не угодилъ въ Небесное Отечество, что непременно бы и случилось, если бы не великодушіе Г.г. Докторовъ и Фершаловъ, которыхъ мое бѣд-

ственное и болѣзненное положеніе тронуло и они по Христіанскому великодушію, принимая въ соображеніе 660 ст. Т. X., по которой леченіе засчетъ виновныхъ, использовали меня подходящими медикаментами,—за что я Г.г. Докторамъ и Фершаламъ приношу мою искреннюю благодарность. Хотя мною своевременно и были приняты медицинскія мѣры къ своевременному излѣченію болѣзней, но отравы чахоточнымъ ядомъ и сифилисомъ заразили не только мои тѣлеса, но и душу сифилисомъ, такъ что душа, т. е. сердце, горло и загорбокъ, ошанкерились, и наврядъ ли моей душенькѣ достигнуть Царствія Небеснаго. И по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, нѣкоторыя изъ Ангеловъ, при обревизованіи души моей тоже ошанкерились. Отъ г. Красноярска, до г. Керчи, и обратно до Харьковской Обители Дома Умалишенныхъ, гдѣ тоже творятся со мной дѣянія предусмотренныя помянутыми выше Ст. зак., я насчитываю тоже около двухъ милліоновъ обидъ, за которыя приходится безгрѣшныхъ 10.000.000. Десять милліоновъ руб. штрафовъ. Я же не взялъ ни гроша. По дорогѣ изъ Красноярска меня обокрали руб. на 15-ть, а квитанціи по дѣламъ можно оцѣнить въ 1.000.000, а меня же невиннаго старались оскорбить ложною клеветою, предусмотрѣнною 1535 Ст. Улож. о нак.

Св. Святители, Чудотворныя Иконы и Св. Отцы должны бы отнестись къ моему положенію съ участіемъ и мое бѣдственное положеніе должно бы тронуть ихъ, но вышло напротивъ, что во всѣхъ Св. обителяхъ я хлороформированъ и въ такомъ видѣ подверженъ кровнымъ обидамъ, предусмотрѣннымъ поясненнымъ выше Св. зак. Слѣдовательно озорничество развито не только въ средѣ простаго населенія, но и въ высшихъ классахъ духовенства,—у людей, которые собой должны бы подавать примѣръ другимъ.

Хотя путешествіе въ Керчь, по моему предположенію, должно бы подѣйствовать благотѣльно на мою больную грудь,—но увы... вмѣсто излеченія груди и укрѣпленія тѣлѣсь, былъ подвергнутъ 31 декабря м. г. въ дер. Катерлесѣ въ 21 верстахъ отъ г. Керчи, жестокому избіенію по головѣ, вискамъ, спинѣ, сопровождаемому подбитіемъ праваго ока и разбитіемъ носа въ кровь. Били, какъ говорится, на смерть,

послѣ предварительнаго отравленія чохоточнымъ ядомъ и изнасилованія венерическими больными въ горло и задній проходъ. Такъ что я чуть живой добрался до Слѣдственнаго Пристава г. Керчи, г. Петлина, который, по составленіи акта осмотра, и препроводилъ меня въ Керченскую больницу для излеченія. Лечение было основательное, чохоточнымъ ядомъ и сифилисомъ, такъ что я, по прошествіи 21 дней, чуть живой выписанъ на свободу и отправился въ Харьковъ сначала до Симферополя, а потомъ по Л. С. Ж. Д. по дорогѣ К. Х. А. Ж. Д. до Харькова и всю дорогу подвергался кровнымъ обидамъ, предусмотренными помянутыми выше Ст. Св. Зак. Всѣ несчастія мои послѣдовали, по неполученію писемъ съ деньгами отъ родныхъ, что и повело къ нанесенію мнѣ обидъ и зараженію души сифилисомъ. Писалъ на родину 30 писемъ, а получилъ только три, и хотя въ теченіи 32-хъ лѣтъ моей жизни прожилъ своихъ 6000 р., въ томъ числѣ потерялъ до 1500 р. крушенія по милости Православныхъ Христіанъ и до 100 руб. извелъ на просьбы, но ни гроша не похищаль, а между прочимъ меня старались оскорбить. Слѣдовательно, безъ денегъ и безъ бороды не обретете спасенія душамъ вашимъ. Придите вы безъ денегъ, оборванный и больной къ богатому Священнику, отрекомендуйтесь странникомъ и попросите ночлега и подаенія, — въ большинствѣ случаевъ можете быть увѣрены, что васъ пропрутъ по шеямъ, или затравятъ собаками. Съ деньгами же васъ примутъ съ честію, отслужатъ молебствія и душеньки ваши будутъ блаженствовать. Въ виду такого рода порядка вещей, существующихъ въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ, безъ бороды и денегъ нѣсть душѣ спасенія, а угрожаетъ телѣсамъ и душѣ преждевременная смерть, гѣнна и огонь неугасимый. Убѣдительно прошу всѣхъ странниковъ богомоловъ, насколько бы они тяжко ни заболѣвали, если у нихъ въ карманахъ пусто, недавать обѣщаній на поклоненія мошамъ Св. Угодниковъ, потому что если они не исполняютъ обѣщанія, то на душѣ ихъ останется тяжкій грѣхъ неисполненіе обѣщанія. Если же отправитесь съ деньгами, васъ подвезутъ, хорошо будете кушать, вездѣ приняты съ честію, и за васъ будетъ отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе. Съ пустыми

же карманами вездѣ будете осмѣяны, и какъ разъ признаны неблагонамѣреннымъ человѣкомъ и можете быть подвергнуты такого же рода тяжкимъ обидамъ, а пожалуй и смерти, или заключенію въ домъ умалишенныхъ. При этомъ долженъ доложить вамъ, что въ средѣ крестьянъ есть такіе люди, что не только, что за котомку, но даже и за пятакъ готовы лишитъ васъ жизни. И совѣтую всѣмъ странникамъ богомоламъ въ дорогу отправляться съ деньгами, вооруженными и съ товарищами, а главное съ бородой, тогда и тѣлеса ихъ и души будутъ совершенно здоровы и они съ честію возвратятся на родину. Безъ денегъ же нѣсть тѣлесамъ здравія и душѣ спасенія. И такъ, Православные Христіане, безъ денегъ въ семь мірѣ нѣсть душѣ спасенія.

Красноярскій мѣщанинъ Василій Викторовъ Курчаниновъ.

Въ данномъ случаѣ очень рельефно выражены чрезмѣрная болтливость, бредъ преслѣдованія, бредъ ипохондрической и бредъ сутяжническій,—при томъ все это у чловѣка мало развитого и необразованнаго

Идеи, развиваемыя въ письмѣ параноиками, могутъ отличаться своимъ крайнимъ упорствомъ. Приводятся случаи, какъ напр, у Mascé, когда больной въ продолженіи десятковъ лѣтъ развивалъ свою идею въ одномъ и томъ же направленіи. Сочиненіе—„Привлеченіе есть только импульсъ“—писалось, больнымъ 30 лѣтъ, при чемъ въ теченіи этого времени больной впалъ въ слабоуміе, но продолжалъ писать, какъ бы по привычкѣ.

Помимо указаннаго упорства бредовой идеи, въ письмѣ параноиковъ слѣдуетъ отмѣтить другую характерную особенность, выражающуюся нерѣдко въ широкомъ объемѣ систематизированныхъ идей бреда параноиковъ.

Прекрасную рукопись подобнаго рода въ копіи мы имѣемъ въ музеѣ Казанской Лечебницы; вторая копія съ оригинала, какъ намъ сообщили, хранится въ музеѣ Петерб. Клиники проф. В. М. Бехтерева.

Больной параноикъ, котораго я лично зналъ и наблюдалъ, будучи ординаторомъ Окружной Лечебницы въ 99—900 г., производилъ чрезвычайно сильное и глубокое впечатленіе на окружающихъ своей безпредѣльной кротостью и непоколебимыми убѣжденіями въ высокихъ нравственныхъ началахъ своей идеи. Онъ отрицалъ христіанство, называя его идолопоклонствомъ, и потому явился основателемъ такъ называемаго „Богочеловѣческаго Завѣта“, содержаніе котораго и заключалось въ упомянутой рукописи. Съ точки зрѣнія новыхъ началъ, больной пересоздаетъ въ буквальномъ смыслѣ всю жизнь до мелочей, не оставляя камня на камнѣ, такъ какъ старыя жизненныя рамки не могли удовлетворять, по его мнѣнію, послѣдователей нравственной религіи. Мы позволимъ себѣ лишь въ выдержкахъ представить содержаніе этой интересной рукописи съ сохраненіемъ ея орфографіи.

Богочеловѣческій завѣтъ.

Статья 1-ая. Я, Бог, Справедливый, Отецъ всехъ существъ. Бог, Просвещенія и Познанія. Бог, Защитникъ угнетенныхъ и обиженныхъ. Бог, Уважающій и Защищающій самостоятельныхъ и нравственныхъ людей и безвредныхъ для людей животныхъ. Бог, Правосудія и Разумнаго Самоуправленія. Бог, Строгій, но Прощающій искренно раскаявшагося, Бог, Помощникъ и Покровитель нравственныхъ людей. Бог, Мира и Согласія. Бог, Счастія и Радости. Бог, Совѣтникъ и Наставникъ. Бог, Врагъ, войны и вражи, лжи и обмана. Бог, врагъ пытокъ и смертоубійства, обрядности и идолопоклонства. Бог, Уважающій нравственную Самостоятельность людей и Нетребующій угожденія себе в ущербъ Нравственности. Бог, Требующій къ себе Уваженія и Вниманія, а не поклоненія и молитвословія. Заключаю Заветъ сей с Моими детьми человѣками и пусть будетъ Он Основаніемъ Нравственной Религіи.

Статья 2-я. Сей Заветъ Мой с людьми есть Основаніе Нравственной Религіи.

Статья 3. Не причиняй мученія живому существу.

Статья 6. Уважай Собственность другого существа, его самодѣятельностью пріобретенную.

Статья 7. Не исполняй законы и обряды того бога, который тебе обещает блаженство на небе, а на земле ничего не дает.

Статья 8. Проповедник учения бога, прежде чѣм проповѣдывать, должен сам исполнять учение этого бога и давать своим одноверцам средства для такого же исполненія. Если же учение бога при строгом выполненіи вредно и безнравственно, то такое учение есть идолопоклонство, а проповѣдь его—обман.

Статья 10. Старайся развить в себе хорошія свойства характера, полезныя для Общества, и оставляй дурныя привычки, вызывающія в других к тебѣ отвращеніе и презрѣніе.

Статья 11. Обращай вниманіе на Нравственное и Научное воспитаніе детей своих; старайся, чтобы из них выросли нравственные и деятельные люди.

Статья 22. Послѣдователи Нравственной Религіи должны в общественных делах давать Право голоса только своим Одноверцам; но в своих решениях должны быть по возможности безпристрастны даже къ иноверцам.

Статья 24. Муж может имѣть одну, две или три супруги одновременно и шесть во всю свою жизнь.

Статья 25. Жена может иметь одного или двух супругов одновременно и четырех во всю свою жизнь.

Статья 35. Перечень достоинств, которыя должно развивать или поддерживать в себе и им соответствующих пороков, от которых должно всеми возможными добросовѣстными мерами избавляться.

П о р о к и.	Д о с т о и н с т в а.
• Строка	1-я.
Любовь есть чувство сердца, требующее наслажденій даже во вред другим людям.	Безстрастіе.
Стр.	7.
Господство.	Самоуправленіе.
Стр.	13.
Спесивость.	Гордость.

П о р о к и.		Д о с т о и н с т в а.
	Стр.	50.
Самоотверженіе.		Самоуваженіе.
	Стр.	60.
Война.		Мир.
	Стр.	64.
Барство.		Отдохновеніе.
	Стр.	65.
Нажива.		Приобретеніе.
	Стр.	69.
Храбрость есть бешенство, внушенное болвану руководителями.		Смелость.
	Стр.	70.
Мужество есть совокупность свирепости, зверства, ненависти и безпощадности.		Стойкость.
	Стр.	71.
Верность есть слепое соблюдение рабом интересов своего господина, вызываемое возможностью получить подачку.		Постоянство.
	Стр.	72.
Преданность есть слепая привязанность раба к господину позволяющая переносить рабу все самодурство господина.		Самоуваженіе.
	Стр.	74.
Единодержавіе и деспотизм.		Народоуправленіе.
	Стр.	76.
Скорбь и печаль.		Радость.
	Стр.	77.
Колкость (язвительность) (злая насмѣшка).		Шутливость (Безобидное остроуміе).

Пороки.	Достоинства.
Стр. 98.	
Подражательность.	Самостоятельность.
Стр. 100.	
Ошибочность.	Осмотрительность.

Статья 36. Перечень пороков, от которых должно всеми добросовестными мерами избавляться и соответствующими этим порокам неизбежных недостатков.

Пороки:	Недостатки:
Стр. 1.	
Невежество.	Незнание.
Стр. 2.	
Повеление.	Гребование.
Стр. 18.	
Ревность.	Обидчивость.
Стр. 22.	
Глупость.	Неопытность.
Стр. 31.	
Доверчивость	Безвыходность.
Стр. 32.	
Самолюбие.	Самопожертвование.
Стр. 101.	
Легкомыслие.	Обдуманность.
Стр. 103.	
Самолюбие есть чувство, заставляющее человека заботиться о своей пользе в ущерб благополучия других людей.	Самоуважение.
Стр. 104.	
Патриотизм.	Родиноуважение.
Стр. 33.	
Трудолюбие.	Вынужденность.

П о р о к и:	Стр.	Н е д о с т а т к и:
Искуплєніє	39.	Исправленіє.
Витїєватость.	Стр. 120.	Простота.
Запутанность	Стр. 121.	Ясность.
Слабость.	Стр. 122.	Могущество.
Безсиліє.	Стр. 123.	Сила.

Прод. Статьи 13-й. О мнимых чудесах «мощей». Этим обманом жрецы хотят убедить единовѣрцев в том, что их религія поддерживается живым богом.

Идолослуженіє состоитъ из телодвиженій, песнопеній, молитвословій, куреній и колдовства. При чем тут дело не обходится без обмана.

Статья 15-я. Рабство и господство. Идолопоклонническая религія, проповедуя кротость (статья 9-я) послушаніє и покорность (ст. 12-я), имеет в виду приготовленіє из своих последователей рабов. Ученіє же «рабы повинуйтесь господам, не только добрым, но и строптивым (злым)» признает и закрепляет рабство.

Статья 18-я. Добро и зло. Добро по понятіям идолопоклонников заключается в усвоеніи, достиженіи и исполненіи слѣдующих вышеописанных чувств, качеств и обрядов: любви (ст. 2-я), веры слепой (ст. 3-я), надежды слепой (ст. 4-я), цели (ст. 5-я), успеха (ст. 6-я), милосердія (ст. 7-я), благости (ст. 8-я), кротости (ст. 9-я), смиренія (ст. 10-я), исповеди (ст. 11-я), послушанія и покорности (ст. 12-я), обрядности (ст. 13-я), рабства и господства (ст. 15-я), бедности и нищенства (ст. 16) и молитвы (ст. 17-я). Зло идолопоклонников заключается в неусвоеніи, недостиженіи и неисполненіи вышеприведенных чувств, качеств и обрядов и в проявленіи ереси и кощунства (ст. 14-я).

Дополнение к богочеловѣческому завету.

Статья 2-я. Любовь есть чувство сердца, требующее наслаждений. Любовь человека к своему ближнему проявляется только тогда, когда этот ближній способен дать наслаждение любящему. Наслаждение у людей заключается в удовлетворении следующих страстей: сердечной, половой, пьянства, обжорства, охоты, рыболовства и друг. Страсти сердечная и половая могут быть только между людьми разных полов. Но идолопоклонническое учение «люби ближняго, как самого себя» требует проявления любви ко всякому ближнему, не принимая в расчет пола. Все сорта любовных страстей непривлекательны, даже в тех случаях, где они проявляются умеренно. Религія же, требующая усиленного проявления таких вредных чувств от своих послѣдователей, не могла иметь в виду пользу этих людей, а, несомнѣнно, хотела принести вред им.

Статья 12-я. Послушаніе и покорность. Невежественные идолопоклонники не могут самостоятельно обсуждать, не только религиозные вопросы, но и явления из своего быта, что вредно отражается на их благосостоянии. Это невежество идолопоклонников всеми средствами поддерживается жрецами и самой религіей, которая требует от своих послѣдователей полного послушанія и покорности учению. Жрецы, пользуясь этими чувствами единовѣрцев для своих выгод, сами нисколько не заботятся о собственном исполненіи ученія, которое требует от своих проповѣдников нищенскаго существованія. Между тѣм жрецы заставляют своих единовѣрцев строго исполнять религиозные обряды, от которых главным образом зависит самих жрецов матеріальное благосостояніе.

Честь есть признаніе и сохраненіе собственных достоинств.

Вещество есть то, что исследуется при помощи внешних чувств.

Существо есть совокупность взаимодействія вещества.

Душа есть совокупность разума, воли и чувств.

Жизнь свойственна только душе.

Бог есть Душа, имеющая высокій разум, могучую волю и нравственные чувства.

Точка пересеченіе перпендикуляра съ данной линіей
Линія есть путь, проходимый движущейся точкой.

Фактъ есть явленіе, имевшее место в действительности.

Статья. Кредитные билеты, акціи, облигации, векселя и другія, сами по себе ничего не стоящія, денежныя и процентныя бумаги и обязательства, не должны Последователи Нравственной Религіи принимать в уплату за свои продукты или деятельность, а должны требовать: или золото, или серебро, или медь по весу и пробе, но не по выставленной на идолопоклоннических монетах стоимости.

Статья. Супружество между Последователями Нравственной Религіи не должно заключаться в возрастах; муж ранее двадцати пяти годов, позднее семидесяти годов; жена ранее двадцати двух годов, позднее семидесяти годов.

Последователи Нрав. Религіи должны, всеми добросовѣстными мерами, стараться избегать пользоваться трудом животных и всем другим, что дано природой или приобретено самодеятельностью животных.

Статья. При постройке поселков следует руководствоваться следующим советом: каждое место должно быть длиною: по улице не менее пятидесяти шагов и вглубь не менее одного стошага. Улицы должны быть шириною не менее пятидесяти шагов. Переулки должны быть шириною не менее сорока шагов. Кажны, сплошны, четыре места, по одной линіи, составляют квартал. Через кажный квартал должен быть переулок, а через два квартала—улица. Через кажные два квартала, если местность позволяет, должен быть один колодец. В средине поселка должны быть устроены зданія: Собранія и училища. Зданіе Собранія должно находиться против училища. Улица, отделяющая Собраніе от Училища, должна быть шириною не менее одного стошага. Места для Собранія и училища должны быть кажное длиною: по улицѣ не менее одного стошага и вглубь не менее одного стошага. Разстояніе построек от смежных с соседями границ места должно быть не менее двенадцати шагов. Промежуток между постройками двух соседей должен быть засажен деревьями

лиственных пород. Разстояніе между одноместными и холодными постройками должно быть не менее пятнадцати шагов. Позади постройки должен быть огород и сад. Перед домом, с лицевой стороны, должен быть садик шириною, в глубину места от линии улицы, не менее шести шагов. Вслучае желанія пристроится этот садик может быть занят постройкой. Но, при первоначальной постройке, лучше дом отодвигать назад на длину двенадцати шагов, чтобы перед домом, даже в случае пристройки, оставался садик. Общая длина деревяннаго дома не должна превышать тридцать один шаг. Чистый пожилой постройки должен быть на разстояніи не менее одного шага от уровня земли. Пол холодных построек должен быть на разстояніи не менее полшага от уровня земли. В каждой жилой постройке должно быть два пола: верхній чистый и нижній черный. Черный пол должен быть засыпан землей на толщину слоя не менее одной десятой шага. Стены деревяннаго помещенія, непременно, должны быть уложены на стулья, а не прямо на землю. Стулья должны быть или обуглены с поверхности, соприкасающейся с землей, или просмолены. Стены должны быть из бревен толщиной: в северной полосе не менее трех с половиною десятых шага, въ южной—не менее двух с половиною десятых шага. К северным местностям принадлежат местнос, где температура зим, из десяти смежных годов, в теченіи, по крайней мере, шести годов, бывает свыше двенадцати градусов по нормальному градуснику мороза.

АЗБУКА. а, я, у, ю, э, о, ё, и (ы), і, б, п, в, ф, д, т, з, с, ц, ч, щ, ш, ж, г, х, к, л, м, н, р, ъ, ь.

МЕСЯЦЫ: Травен. Листвен. Цветен. Плоден. Росен. (Туманен). Грязен. Снежен. Темен. Морозен. Ветрен. Звезден. Воден.

ДНИ ШЕСТКА (шестидневница). 1) Первник. 2) Вторник. 3) Третник. 4) Четверник. 5) Пятник. 6) Среда.

Статья 37-я. Перечень смертоубійств, которыя должно непременно избегать. Строка 1-я. Оравленіе. 2-я. Окармливаніе. 3-я. Голоданіе. и т. д.

О быте.

Статья 39-я. Плоть: домашних и диких млекопитающих животных, птиц, рыб, гадов, моллюсков, слизней, насекомых и других живых существ, все продукты, приготовляемые из веществ животного происхождения, не должны Послѣдователи Нравственной Религіи употреблять: в пищу, на одежду или для, каких-либо, иных, даже лечебных, целей,—если к этому, не будут вынуждены необходимостью.

Статья 41. Пищу, одежду и другіе предметы для домашних, общественных или каких либо других потребностей, должны Послѣдователи Нравственной Религіи употреблять из веществ, только растительного или минерального, а не животного, происхожденій.

Статья 48-я. Обычаи и привычки, заключающіяся: в поцелуях, излишних рукопожатіях, безцельных взаимных посещеніях (визитах), в употребленіи: спиртных и других опьяняющих веществ, за исключеніем табану и чая: в охоте, рыболовстве и других поступках, должны Послѣдователями Нравственной Религіи избегаться.

Статья 41-я. Необходимое наименьшее количество пищи в день для одного человѣка: хлеба два фунта, для одного ребенка: хлеба один фунт, для одного младенца: хлеба полфунта.

Статья 44-я. Необходимое помещеніе и меблировка на одного человѣка: Одна комната размѣрами: тридцать квадратных шагов пола, вышиною три с половиною шага, с двумя окнами и одной дверью. Мебель: один стол, два стула, одно зеркало, одна кровать с матрацом, один сундук или карзина, одна вешалка.

Статья 46-я. Необходимая посуда на одного человѣка, кроме младенцев. Чайная: два стакана или чашки с блюдами, одна тарелка для хлеба, одна тарелка для лимона или ягод, одно блюдо для варенія, один столовый нож, одна вилка, одна ложка.

Статья 47-я. При вынужденности имѣть домашній скот, должны быть у каждаго животного своя отдѣльная, теплая